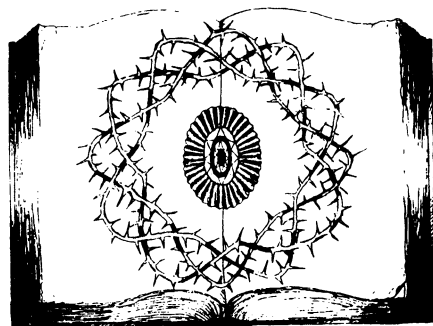

**№ 6 (135)
1995 г.**

ГОСИИЗДАНИЕ СЛОВО

МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№6 (135)

1995 г.

7 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА

75 лет назад морозной зимней ночью в Иркутске был злодейски убит Адмирал Александр Васильевич Колчак.

Злодейски убит, ибо назвать произошедшее “казнью” или “расстрелом” нельзя, — так же, как и убийство большевиками Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи. И оба эти преступления — злобная месть

человеку, уже сложившему с себя бремя Верховной Власти — вообще имеют немало общих черт.

И в том, и в другом случае и организаторы, и исполнители смертельно трусят, пряча тайный приказ “центра” и прикрываясь мнимой “инициативой местной власти”, измысливая мифические “заговоры”, “пресекая” несуществующие “попытки освобождения”.

И в том, и в другом случае преступники не в состоянии предъявить никакого обвинения своим жертвам, — и потому все время откладывают обещанный “судебный процесс” над Помазанником Божьим (“процесс”, который сам по себе был бы кощунством!), и потому так затягивают допросы Адмирала, и потому с такой поспешностью используют “угрозу подступающих к городу войск противника”.

И в том, и в другом случае после тайного ночного умерщвления убийцы спешат скрыть следы своего преступления: в Екатеринбурге — сожжение, в Иркутске — под лед...

И еще одно. 17 июля 1918 года в Совдепии еще не был официально объявлен “красный террор”, то есть как бы еще не расстреливали. С 1 февраля 1920 года в Совдепии была отменена смертная казнь, то есть как бы уже не расстреливали.

... И так же, как летом 1918-го — некому было помочь, заступиться, спасти. И так же, как летом 1918-го,

так же, как в марте 1917-го — “кругом измена, и трусость, и обман”.

Из вагона, обильно декорированного флагами “великих держав”, с ведома командующего союзными войсками в Сибири французского генерала Жанена, Адмирал Колчак был предательски выдан своим будущим палачам. И напрасно рвались к Иркутску “капеллевский” генерал Войцеховский и “семеновский” генерал Скипетров — “образцово проводящий эвакуацию” своей армии чехо-словацкий генерал Сыровой блокировал все попытки русских войск спасти своего Адмирала. Да и только ли одного Адмирала предали “союзники” — позавчерашние “братушки”, вчерашние соратники, сегодняшние...

И напрасны были тщетные попытки мести и запоздалая злость. Что мог изменить бешеный “даурский барон” Унгерн, выкатывая на прямую наводку орудия, чтобы картечью в упор разнести вагон генерал-предателя Жанена? (Лишь Атаману Семенову удалось уговорить своего строптивого подчиненного не создавать “международных осложнений”)... Что мог изменить Амурский казак есаул Новиков, кричавший в гарнизонном собрании в Чите об Иудинном предательстве, после чего генерал-предателю Сыровому был послан мешок с тридцатью серебряными рублями? (Сыровой, не принявший двух следовавших один за другим вызовов на дуэль — от генерала Каппеля и Атамана Семенова — принял свои тридцать сребренников)... Что могли изменить любые упреки “союзникам”, если ни мученическая смерть Государя, ни гибель Адмирала не пробудили русского народа для борьбы против их убийц?

Русские позволили убить своих Верховных Вождей.

Русские более семи десятилетий позволяли забрасывать их имена грязью...

Русские Верховные Вожди выполнили свой долг перед Россией.

Выполним ли мы свой долг перед ними?

ПОСЛЕДНИЙ «ИМПЕРАТОРСКИЙ» ПРИЗ

12 Июля с[тарого] с[тиля] 1914 года

Передавая в редакцию “Военной Были” публикуемые ниже воспоминания полковника Б.А.Лагодовского (1892 — 1972), председатель Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов во Франции А.Д.Шмеман присовокупил к ним следующую краткую справку об их авторе:

“Борис Аркадиевич Лагодовский родился в 1892 г. в Варшаве. Окончил Суворовский Кадетский Корпус в 1909 г. и Михайловское Артиллерийское Училище в 1912 г. фельдфебелем. Вышел в Л.-Гв. Конную Артиллерию и служил в 3-й батарее в Варшаве. Пробыл на фронте всю Великую Войну и прошел весь тернистый путь с Добровольческой Армией, доблестно командуя, в чине полковника, 1-й Гв. Конной батареей”.

К этому можно прибавить, что Б.А.Лагодовский участвовал в совещании старших офицеров Гвардии, находившихся в Добровольческой Армии, которое состоялось 10 сентября ст.ст. 1918 г. в Екатеринодаре. Его подпись стоит под постановлением совещания, признавшего, “что службой, единственно достойной офицера, тем более гвардейского, в настоящее время является служба в Добровольческой Армии” и потребовавшего от всех офицеров Императорской Гвардии принять участие в борьбе с большевизмом.

И отступив с Белой Армией за границу, полковник Лагодовский до конца своих дней сохранил верность памяти об исторической России. Воспоминаниям о молодости были посвящены его статьи, помещенные в “Военной Были” (Борис Аркадиевич состоял и в Обществе друзей журнала): “Служба в Варшаве” (№. 104 за май 1970 г., стр. 15 — 20) и “Скаковые воспоминания” (№. 108 за январь 1971 г., стр. 7 — 11). В последнем очерке он обещал “позже” рассказать и о своем участии в скачках на Императорский приз.

Эти воспоминания были им написаны уже во время болезни. В приложенной к рукописи записке Б.А.Лагодовский просил, “в случае моей неожиданной или случайной смерти”, передать текст “для напечатания в Военную Быль (eventuellement через Андрея Шмемана)”.

Тогда, в 1970-ые гг., очерк этот не увидел света — “Военная Быль” прекратила свое существование. Но прошло более двадцати лет, и в Москве, 10 июня 1995 г., Андрей Дмитриевич Шмеман передал рукопись “Последний Императорский приз” редакции возрожденной “Военной Были”. Публикуя сейчас (с сохранением всех особенностей авторского стиля и орфографии) воспоминания полковника Лагодовского, мы рады, что можем продолжить традицию парижского журнала.

В своих Скаковых Воспоминаниях, помещенных в Январском номере Военной Были за 1971-ый год, я упомянул, что получившие 1-ый, 2-ой или 3-ий приз в Окружных Состязаниях на Первенство Строевой Лошади имели право принять участие в состязании на приз “Императорский”.

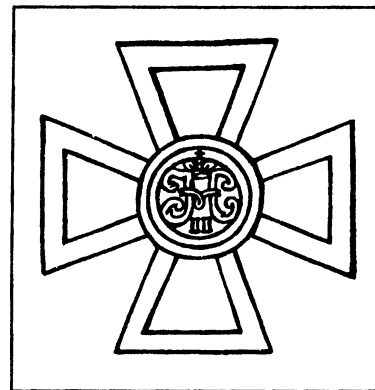
Состязание это — 4-ех верстный стипл-чез с 12-ю препятствиями — происходило ежегодно в Июле в Красном Селе в присутствии Государя.

Участие в этом состязании считалось служебной командировкой и поэтому все расходы, связанные с ней, оплачивались казной. Это давало возможность победителям окружных состязаний приехать в Красное Село для участия в “Императорской” скачке, каково бы ни было их “финансовое” положение и расстояние от места квартирования их частей до столицы, которая в те счастливые времена называлась еще Санкт Петербургом.

Участвовать, а тем более придти с “местом”, т.е. закончить скачку в числе первых четырех, почиталось большой честью и счастьем, т.к. призы вручались каждому лично Государем. Значение, которое придавалось выигрышу первого приза “Императорской” скачки, видно из того, что успех этот записывался в послужной список счастливица.

Из сказанного выше видно, что право принять участие в этом состязании получали ежегодно 36 человек, по 3 от каждого из 12-ти Военных Округов, в которых была расквартирована кавалерия и приданная ей конная артиллерия.

Хотя для участия в этом состязании прибывали не все, имевшие на это право, все же число конкурентов было велико. Поэтому состязание это разыгрывалось на два “заезда”, распределение по которым происходило по жребию. В каждом из заездов было по четыре приза, а не по три, как во всех других конских состязаниях.

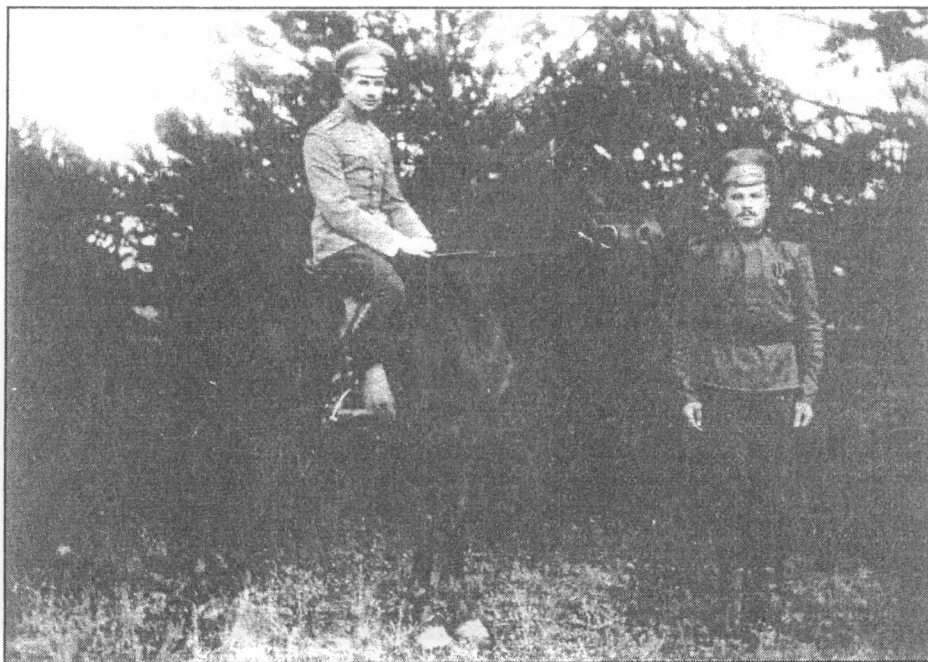
Нагрудный знак Лейб-Гвардии Конной Артиллерии

Получив весной 1914-го года 2-ой приз на состязаниях на "Первенство Строевой Лошади" Варшавского Военного Округа, я воспользовался связанным с этим успехом правом на участие в состязании на Императорский приз и на него записался.

Прибыв в Красное Село, я остановился у своего друга и товарища по Суворовскому Кадетскому Корпусу и Михайловскому Артиллерийскому Училищу — Н.Н.Семенова, служившего Л.Гв. в Стрелковом Артиллерийском Дивизионе. С Семеновым мы поменялись "фельдфебельствами": одного со мной выпуска, Семенов был моим фельдфебелем в Корпусе, я же его фельдфебелем в Училище.

Лошадь моя Фриштофи прибыла в Красное Село за несколько дней до моего приезда с одним из моих вестовых, Дзедзелем, бывшим конюшенным мальчиком в одной из скаковых конюшен на Коломяженском ипподроме под Петербургом. Фриштофи я нашел в отличном виде, несмотря на довольно продолжительное путешествие по железной дороге без выводов.

В первое же утро моего пребывания в Красном Селе я отправился пешком изучать незнакомый мне Красносельский скаковой круг. Особенно долго я изучал пресловутую канаву, на которой по роману Толстого "Анна Каренина" упал Вронский и на которой и на самом деле во все почти скачки было немало падений... Ширина этой канавы меня удивила: я почему-то думал, что она гораздо шире. Изучив ее, я понял, что трудность ее преодоления заключалась не в ширине, а в том, что, во-первых, она была на повороте, во-вторых — на спуске, а в-третьих, в том, что было, по-моему, самым главным, это то, что она вырыта в песчано-глинистой почве, со слегка осыпающимися краями, очертания канавы сливались с грунтом, к тому же перед ней не было никакой изгороди, отсутствие этой последней и плохая видимость самой канавы затрудняли расчет того момента, когда лошади надо "сниматься" для прыжка. Я думаю, что это и было главной причиной многочисленных падений на этом препятствии. "Река" против трибун на Отейском ипподроме в Париже шире Красносельской канавы, но она на прямой, на ровном поле, а главное: перед ней живая изгородь. Благодаря этим трем причинам

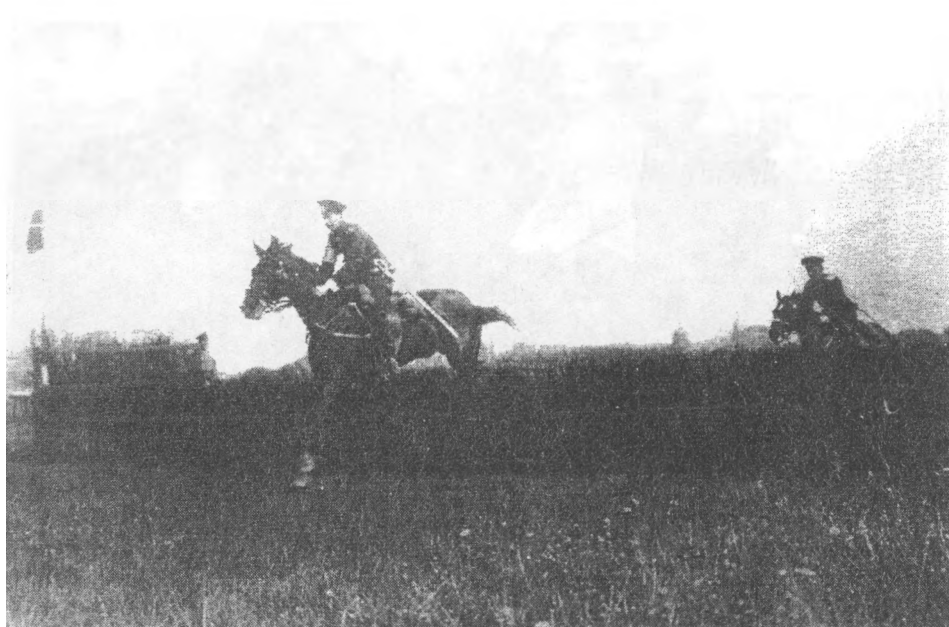
Б.А.Лагодовский на своем коне Фриштофи.
Справа — вестовой Б.А.Лагодовского Дзедзель.

преодоление этой "реки" легче преодоления канавы Красносельской.

Изучив ее, я сел на Фриштофи и сначала показывал ему каждое препятствие, затем брал его с малого хода. Особенно я задержался на этой проклятой канаве, преодолев ее несколько раз. Затем я прошел резвее весь круг и все препятствия, и на этот раз не один, а вместе с Командиром 6-ой Л.Гв. Донской Его Величества батареи, полковником А.В.Упорниковым, самым молодым, как мне кажется, полковником русской Гвардии и Армии, получившим полковничий чин на одиннадцатом году службы в возрасте 33-х лет. Полковник Упорников, бывший офицер 3-ей батареи, в которой я служил, будучи большим спортсменом, почти каждое утро тренировал своих лошадей на Красносельском кругу.

На следующий день — 12-го Июля [старого] [тиля] — состязания на Красносельском ипподроме начинались после завтрака.

Первой разыгрывалась 2-х верстная гладкая скачка, которую выиграл 1-ой Его Величества батареи Л.Гв. Конной Артиллерии подпоручик Гершельман 4-ый, на лошади, принадлежавшей офицеру нашей 2-ой батареи флигель-адъютанту штабс-капитану Линевицу. Сразу же после этой скачки должен был разыгрываться 1-ый заезд Императорской, но вместо него был очень продолжительный перерыв, т.к. ждали прибытия Государя. Обычно очень точный, Государь на этот раз приехал с большим опозданием. Лишь много времени спустя стало известно, что в этот самый день и

Б.А.Лагодовский

час в Красном Селе под председательством Государя заканчивался исторический Совет Министров, на котором было решено, что в ночь с 12-го на 13-ое Июля наступает предмобилизационный период и что всем войскам будет приказано вернуться из лагерей на зимние квартиры. В тот же знаменательный день досрочно (за три недели) Государь произвел в офицеры юнкеров и пажей старших курсов. Ровно неделю спустя была объявлена война. Но тогда, находясь на Красносельском ипподроме, участники последнего в истории России состязания на Императорский приз и многочисленная приехавшая из Петербурга публика ничего этого не знали.

Тотчас же по прибытии Государя, вытянувшись в порядке вынутых номеров, в полной походной форме и седловке (которые мы после этого уже не снимали в течение более 3-х лет) мимо Царской беседки шагом, отдавая честь Государю, прошли участники 1-го заезда, имея в голове стартера командира Л.Гв. Конной Артиллерии, Свиты Его Величества Генерала-майора Гилленшмидта, в молодости большого спортсмена и победителя многих скачек, как на том же Красносельском ипподроме, так и на других состязаниях.

После отличного старта от всей группы всадников сразу же отделился офицер нашей 4-ой Наследника Цесаревича батареи шт.-кап. Трепов 2-ой (Борис), который и закончил скачку первым далеко впереди других на, незадолго до того купленном им в Париже, опытном отейском стипельчезере чистокровном Бериле.

После короткого перерыва на старт в том же порядке, как и в первом заезде, выехали участники второго, и в их числе и я.

После первого неудачного старта, виновником чего, к сожалению, оказался я, стартер Генерал Гилленшмидт в наказание поставил меня (одного) во вторую шеренгу, сказав мне пару неприятных слов.

Второй старт оказался удачным, но мне выбраться из "коробки", в которой я очутился, из своей второй шеренги было очень не легко. Из нее я выбрался лишь после того, как мы прошли почти половину расстояния. С этого момента

я стал медленно, но верно обходить прибывших из всех концов России моих соперников. В конце концов перед пресловутой канавой "Вронского" я оказался последним из оторвавшейся от других группы из четырех или 5-ти человек.

Лошадь, прыгавшая передо мной через канаву хорунжего Л.Гв. Атаманского полка Адрианова, упала, и был момент, когда мне показалось, что передние копыта моего Фриштофи опустятся прямо на голову Адрианова. Этого, к счастью, не случилось. (Как сейчас помню катившуюся по земле голубую фуражку Адрианова). Почти сразу после канавы была прямая, начинавшаяся подъемом и лишь недалеко от трибун переходившая в плоскость.

Кончилось все тем, что я оказался четвертым, т.е. получил, хотя и последний, но все же приз.

Победителем 2-го заезда был шт.-ротмистр Л.Гв. Конного полка Суровцов, 2-ым пришел Ахтырского гусарского полка шт.-ротмистр Панаев (в доблестном Ахтырском гусарском полку служило несколько братьев Панаевых; не знаю, о котором из них идет здесь речь, но мне кажется, что это был тот, прозвище которого было "Глухарь").

3-им пришел Л.Гв. Уланского Его Величества полка шт.-ротмистр С.М.Бибиков 1-ый.

4-ым, как уже сказано, был я.

Все восемь участников состязания, пришедших с "местом", были вызваны в Царскую беседку. Там дежурный флигель-адъютант построил нас в одну шеренгу в следующем порядке:

на правом фланге, пришедший первым в первом заезде (Трепов). Левее его, пришедший первым во вто-

ром заезде (Суровцов), левее его, пришедший вторым в 1-ом заезде, и так далее. Левофланговым, таким образом, оказался я, пришедши 4-ым во втором заезде.

Вскоре в залу, в которой мы были построены, вошел Государь, Государыня и Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Наследника не было. Государыня и Великие Княжны остались у входа. За Государем шел Командующий Войсками Гвардии и Петербургского Военного Округа Великий Князь Николай Николаевич, Военный Министр Генерал-Адъютант Сухомлинов, Инспектор Кавалерии Генерал Остроградский, другие генералы и лица свиты. Когда Государь подходил к каждому из нас, дежурный адъютант передавал Государю конверт с причитающимся счастливицу призом. Передавая приз, Государь обращался к каждому с несколькими милостивыми словами. Передавая мне конверт с моим призом, Государь спросил:

“Вы какой батареи?”

“3-ей Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича, Ваше Императорское Величество”.

“Давно из Варшавы приехали?” (Государь, будучи Наследником, служил в качестве старшего офицера в 1-ой батарее Л.Гв. Конной Артиллерии и потому прекрасно знал места стоянок всех ея батарей: 1-ая, 2-ая и 4-ая в Петербурге, 3-ья в Варшаве, 5-ая и 6-ая в Павловске).

“Позавчера, Ваше Императорское Величество”.

Посмотрев на мои погоны, на которых скромно блестели 2 звездочки, тогда как на погонах всех остальных участников их было по четыре, и, видимо обратив внимание на мой тогда еще весьма юный вид, Государь спросил:

“Вы какого выпуска?”

“1912-го года из Михайловского Артиллерийского Училища, Ваше Императорское Величество”.

“Рано начали пожинать лавры на скаковом поприще, желаю вам дальнейших успехов”.

Это были последние слова, которые мне посчастливилось услышать из уст Государя.

Вечером того же дня в селе Михайловке, близ Красного Села, в лагерном расположении 1-ой и 2-ой батарей Л.Гв. Конной Артиллерии, состоялось чествование выигравшего Императорскую Скачку Трепова, выигравшего гладкую скачку Гершельмана и меня, как получившего 4-ый приз в Императорской Скачке.

Так закончился один из счастливейших дней моей жизни.

На рассвете 13-го Июля батареи наши выступили на свои зимние квартиры. Через неделю началась война, во время которой, спася меня от австрийского плена во время разведки в Сентябре 1914 года, мой конь Фриштофи, принесший мне столько радости и успехов на скаковом поприще, погиб весной 1915 года, утонув во время переправы через р. Днестр.

Заканчивая свой рассказ, хочу упомянуть о судьбе лиц, упомянутых в этих воспоминаниях.

Пришедший первым в 1-ом заезде, шт.-кап. Трепов 2-ой Борис (старший брат его Федот, командир нашей 5-ой батареи, был убит в 1915 г.) кончил войну в чине полковника, флигель-адъютантом, Георгиевским Кавалером (Ордена и Оружия) и командиром 4-ой батареи. Он скончался недавно в Нью Йорке.

Пришедший 1-ым во втором (моем) заезде Императорской скачки шт.-ротмистр Л.Гв. Конного полка Суровцов убит в первом же серьезном бою гвардейской кавалерии 6-го Августа 1914 г. под Каушеном в Восточной Пруссии.

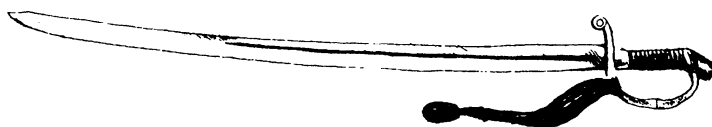
Пришедший вторым в этом же заезде шт.-ротмистр Ахтырского гусарского полка Панаев убит в Августе 1914 г. в Галиции. Пришедший третьим в том же заезде шт.-ротмистр Л.Гв. Уланского Его Величества полка Бибилов 1-ый (Сергей) убит 12 Сентября 1914 г. в тяжелом лесном бою под городом Яновым Люблинской губернии.

Что же касается нашего стартера Командира Л.Гв. Конной Артиллерии Генерала Гилленшмидта 2-го (Якова), кончившего войну в должности Командира Кавалерийского Корпуса, то он, в 1919 г., был расстрелян большевиками в захваченном ими Киеве, вместе с 22-мя другими гвардейскими офицерами.

Среди расстрелянных был и мой большой друг и сверстник шт.-ротмистр Л.Гв. Уланского Его Величества полка Борзенко.

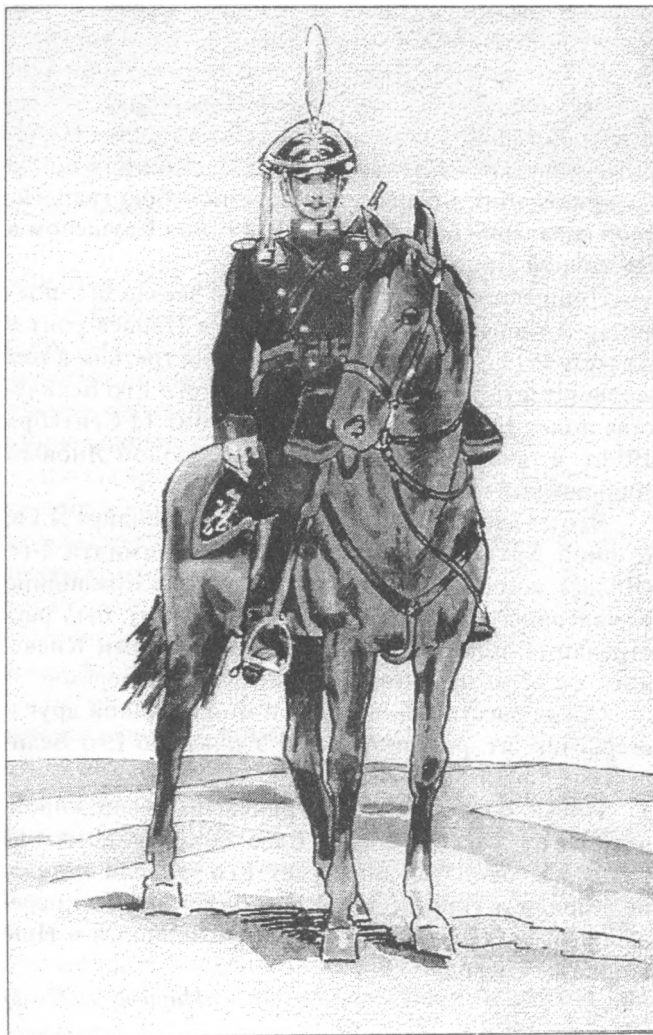
Ночью Борзенко, тяжело раненый, но еще живой, очнулся и пополз по снегу к близлежащему дому, где в одном из окон был виден свет. Его увидели жители, подобрали и укрыли до того, как Киев вновь перешел в руки “белых”. Он выжил и скончался в Нью Йорке в 1970 году.

Париж, 1972 (?)

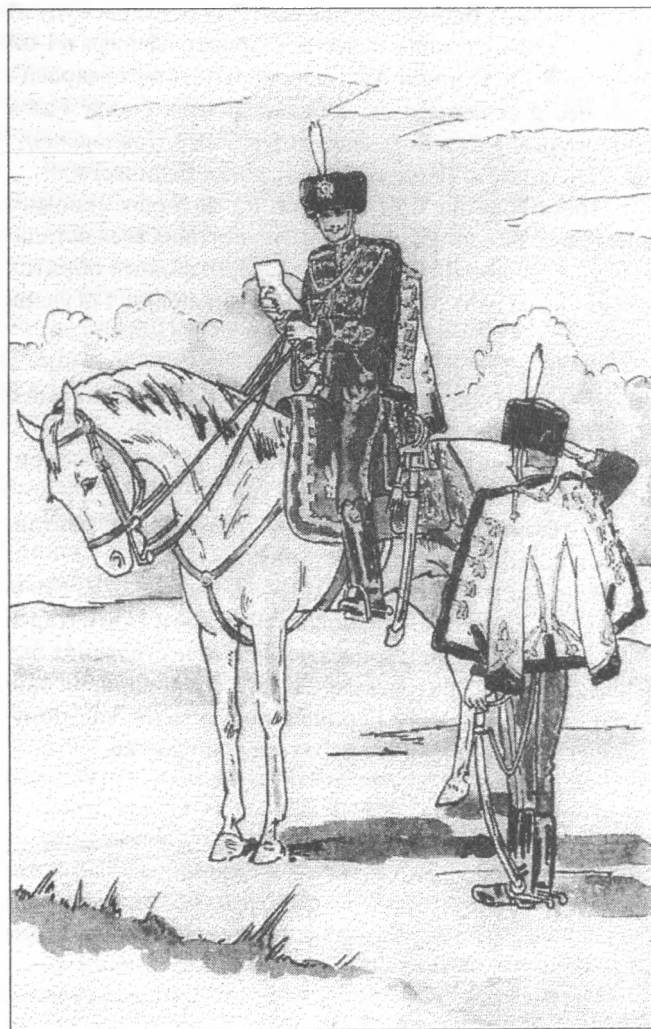

КАВАЛЕРИЯ

“Военная Быль” продолжает публикацию рисунков штабс-ротмистра 1-го гусарского Сумского полка С.В.Вакара, начатую в No. 5 (134). Как сообщил нам В.В.Звегинцов (чей авторитет в области русской военной истории и формоведения бесспорен), С.В.Вакар при рисовании мог использовать серию открыток с униформами Российской Императорской Армии, вышедшую во Франции в 1930-ые гг. Вполне это допуская, мы в то же время хотим подчеркнуть индивидуальность рисунков С.В.Вакара, ярко отражающих живое, личное отношение их автора к славной русской кавалерии, в рядах которой он сражался с врагами России.

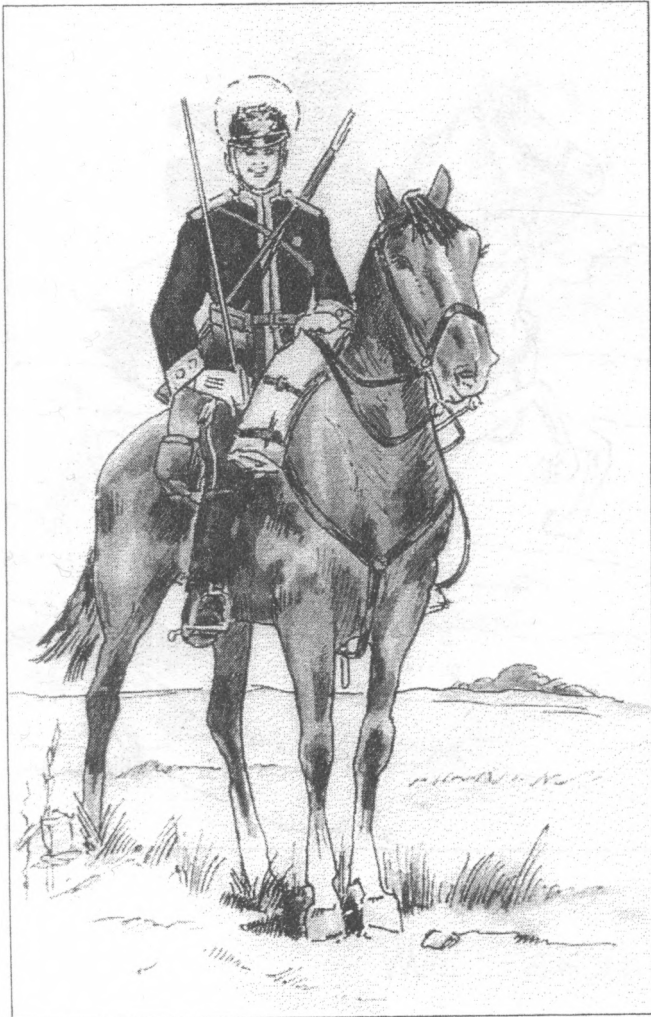
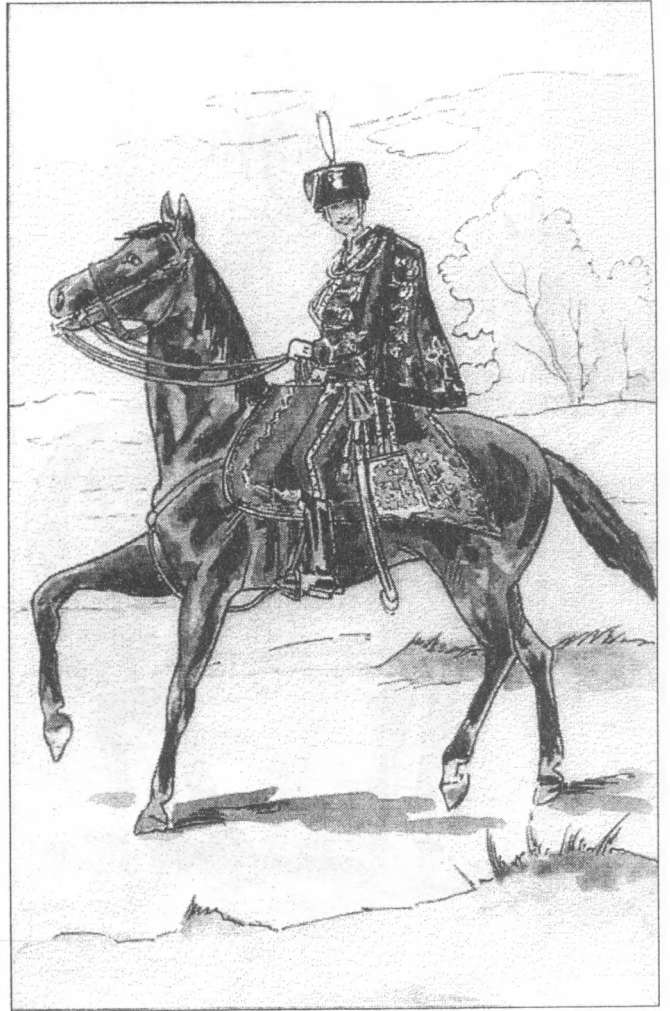

Лейб-гвардии Драгунский Великой Княгини Марии Павловны полк

Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк

14-й драгунский Малороссийский полк

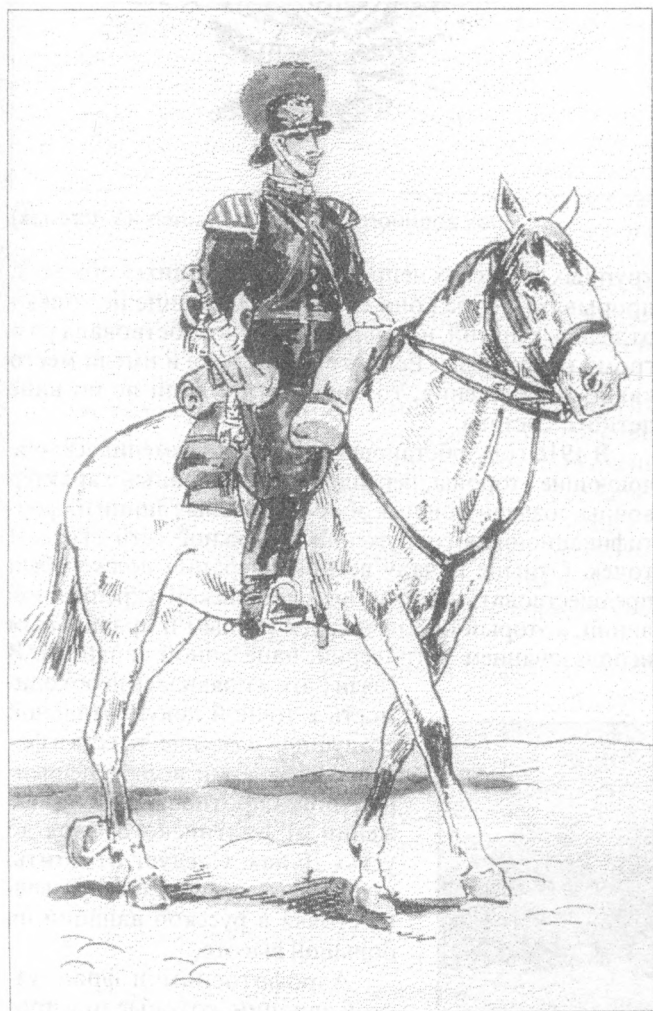

8-й уланский Вознесенский Великой Княжны
Татьяны Николаевны полк

2-й лейб-гусарский Павлоградский Императора
Александра III полк

Крымский Конный Государыни Императрицы
Александры Феодоровны полк

1-й Конно-артиллерийский дивизион

Штат. - ротмистр Вакаръ

ИТОГИ РАБОТЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

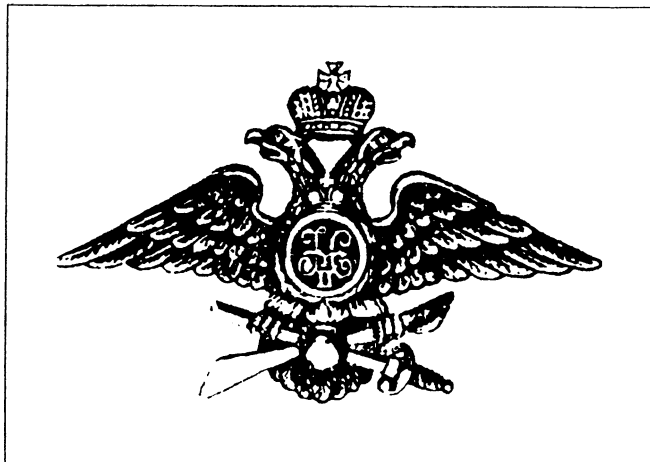
(Глава из книги “Крылья России”)

Мы уже видели, с какими трудностями организовывалась, снабжалась летным материалом и подготавливалась русская военная авиация еще в предвоенные годы и как мало интересовалось ею высшее командование и Генеральный Штаб. Неудивительно поэтому, что она выступила на фронт в довольно жалком состоянии. Повинны в этом главным образом были “творцы” русских вооруженных сил, “милостивейше пригретые” бесталанным самодержцем, — военный министр Сухомлинов и начальник Главного управления Генерального Штаба Жилинский¹.

И все же, несмотря на малочисленность и низкое качество самолетов русской военной авиации, наши легчики, проникнутые чувством долга перед Родиной и любовью к своему делу, с первых же дней операций на фронте доказали, каким незаменимым средством разведки является аэроплан. Доказывать это приходилось нередко под ружейным и пулеметным огнем неприятельской (а иногда и собственной) пехоты и, летая на ненадежных моторах, под вечной угрозой посадки в неприятельском тылу.

Общая обстановка войны и характер боев на земле, а позже и в воздухе, предъявляли свои специфические требования к авиации, и с самого начала войны от русской авиации потребовалась интенсивная разведывательная работа, отвечающая маневренному характеру военных действий, длившемуся с коротким перерывом до осени 1915 года.

Надо сказать, что наши летчики с успехом и честью выполняли поставленные перед ними задачи. Разведывательная авиация была бдительным оком и своевременно предупреждала свое командование обо всех

Знак военного летчика (носился на погонах)

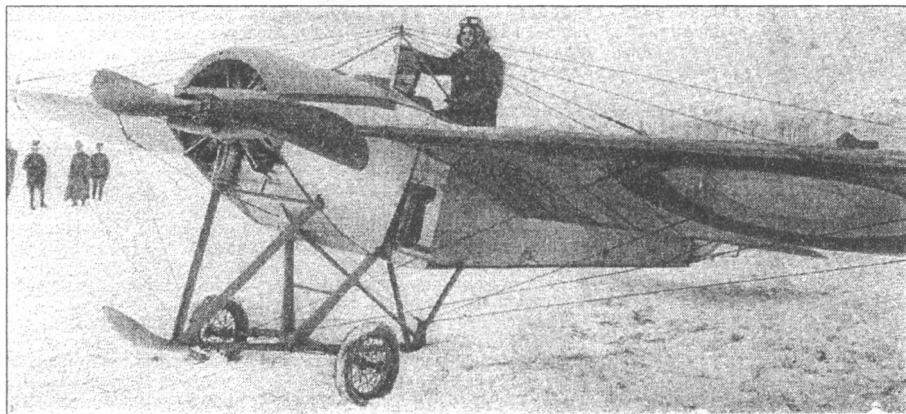
крупных замыслах неприятеля (готовящихся обходах, прорывах). Не раз она спасала положение не только отдельных армий, но и фронтов и способствовала разгрому неприятеля. Если же в ее работе и имели место какие-то упущения, то они происходили не по вине летного состава.

В 1916 году обстановка на фронте изменилась: обе воюющие стороны, перейдя на позиционный характер войны, создали мощные оборонительные линии из фортификационных сооружений и сложной сети огневых точек. Отныне началу всякой операции должен был предшествовать прорыв неприятельской укрепленной линии, который обеспечивался умелым и правильным использованием артиллерии, нацеленной авиацией. В

связи с этим появилась необходимость в точной документальной воздушной разведке, то есть в фотографировании всей укрепленной линии противника на протяжении от Балтийского моря до устья Дуная. Следует отметить, что эта фотографическая разведка стояла в русской авиации на большой высоте.

Аэрофотоснимки французской авиации, которые мне приходилось видеть, значительно уступали нашим в техническом отношении.

Вся работа артиллерии при прорывах (борьба с неприятель-

Русские летчики на аэроплане “Ньюпор IV” перед вылетом на разведку. 1916.

ской артиллерией, уничтожение огневых точек на фронте, разрушение фортификационных сооружений и проволочных заграждений) производилась теперь при помощи авиации, которая, в случае необходимости, осуществляла дополнительную фоторазведку, корректировала стрельбу и производила фотографический контроль разрушений. Словом, в новых условиях, артиллерия без авиации уже не могла играть ту роль, которую играла раньше, и успех прорывов зависел во многом от успешного взаимодействия авиации и артиллерии.

В целях обеспечения наиболее эффективного взаимодействия с артиллерией, к 1917 году при каждом корпусном авиационном отряде были созданы специальные артиллерийские отделения. В операциях 1917 года особо образцово в этом отношении проявили себя 1 и 2 артиллерийские отряды и XXIX корпусной авиатотряд (под Бржежанами, Конюхами и на р. Двине).

Вследствие своей малочисленности и постоянной занятости более ответственной работой — разведкой, русская “легкая” авиация в первые годы войны выполняла бомбардирование неприятельского тыла лишь эпизодически и инициативно во время затишья на фронте.

В 1916 году она произвела ряд сосредоточенных бомбардировок, но почти во всех случаях не связанных с оперативной обстановкой на земле. И лишь в VII армии, в первый день майского наступления было организовано сосредоточенное бомбардирование неприятельского тыла в самый момент прорыва на земле. А в 1917 году отмечалось проявление активности в бомбардировках на Румынском фронте. В общем же, сопоставление бомбардировочных акций русской легкой авиации с соответствующими действиями западной авиации говорит не в нашу пользу.

Зато бомбардировка “Муромцами”² (благодаря их большой по тому времени грузоподъемности и исключительной прицельной точности) давала местами очень чувствительные для неприятеля результаты. К сожалению, вследствие “автономности” эскадры “Муромцев”, применение их почти всегда было рассредоточенным. В течение всей войны они ни разу не действовали одним “грозным кулаком”, и в этом упущении повинны Ставка, а главным образом Шидловский³.

Начиная с 1916 года обстановка на фронте отразилась и на принципе применения всех видов авиации (разведывательной, бомбардировочной и истребительной). Теперь она сосредоточивалась на опасных направлениях или в районах прорывов, что и положило начало войны в воздухе.

У нас, на русском фронте, воздушная война началась осенью 1916 года, когда наша истребительная авиация своими решительными действиями достигла отличных результатов. Так, 1-я истребительная группа одним сокрушительным ударом 14/IX — 1916 г.⁴ под Луцком отвадила наглых немецких бомбардировщиков от нашего глубокого тыла, а дальнейшими удачными боями вблизи фронта обеспечила надежное прикрытие наших войск с воздуха.

Война в воздухе, с ежедневными схватками, разразилась особенно интенсивно в 1917 году, когда были сформирова-

Вячеслав Матвеевич Ткачев. Ок. 1960.
Фотография из фондов ОР РГБ.

ны еще 3 истребительные группы. А наиболее ожесточенные бои в воздухе происходили на Юго-Западном фронте, где были сосредоточены главные силы русской авиации.

Читатель уже ознакомился с рядом боевых эпизодов, характеризующих решительность и смелость наших героев-летчиков. Подобных эпизодов было в действительности бесчисленное множество, я же привел лишь некоторые из них, те, которые мне удалось подтвердить документально.

Хотя в этих воспоминаниях мною не затрагивались действия русской гидроавиации (они проходили мимо моего наблюдения), я все же не смею обойти молчанием доблестных “асов” русской морской авиации. Вот они: старший лейтенант А.Прокофьев-Северский имел 13 побед, лейтенант флота М.Сафонов — 11, Б.Сергиевский — 11, старший лейтенант В.В.Утгоф — 5.

Чтобы возможно объективнее дать оценку самоотверженности и героизму русских летчиков-истребителей, я позволю себе прибегнуть к некоторым статистическим данным, которые являются весьма показательными. Так, сопоставление статистики побед наших истребителей “асов” в течение только одного года с данными, объявленными на Западе, говорит в пользу русских героев.

Наш первый “ас” — Казаков имел 17 официальных и 32 неофициальных победы, француз Фонк —

75, а немец Рихтгофен — 80. У нас примерно на 150 летавших истребителей было 26 асов⁶, которые сбили 188 вражеских аэропланов (по 7 побед на аса), а у французов — на 1000 — 1200 истребителей было 80 асов, сбивших 1185 аэропланов (по 14 — 15 аэропланов на аса). Но надо принять во внимание, что русская истребительная авиация работала **лишь один год**, а западная — **три года**, к тому же густота сосредоточения — число аэропланов на километр фронта — у них была в 10 раз больше, чем у нас⁷.

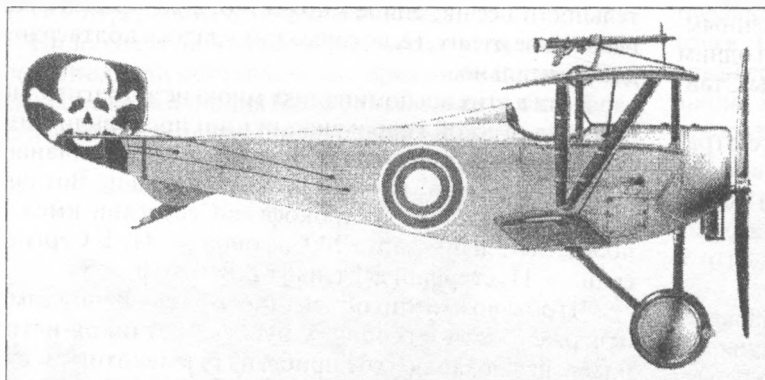
Итак, русская военная авиация, несмотря на исключительные трудности, которые сопровождали ее со дня зарождения в течение всей Первой мировой войны, жертвенно (в числе погибших — такие славные герои, как Нестеров, Крутень, Орлов, Пульпе, Гильшер, Луц, Кокорин; командиры кораблей “Илья Муромец” Озерский, Макшеев, Лавров со своими экипажами и другие, “им же несть числа”!) проникнутая горячей любовью к Родине, с гордостью и честью неслала свое боевое знамя до последних дней войны, не раз облегчая тяжкий ратный труд своих наземных войск и способствуя их победам.

*Публикация и примечания
А. Махалина*

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава из книги генерал-майора В.М.Ткачева “Крылья России” печатается по машинописи, хранящейся в ОР РГБ (ф.703, оп.1, д.3).

1. О подобных критических оценках, встречающихся в создававшейся в 1960-ые годы книге В.М.Ткачева, и об обстановке, в которой приходилось работать ее автору, см. предисловие к публикации глав из “Крыльев России” в No. 5 (134) “Военной Были”. (Отметим, что эпитет, употребленный В.М.Ткачевым по отношению к Государю — “бесталанный” — буквально означает “несчастливый”).

Аэроплан “Ньюпор XI” с пулеметом “Льюис” (1916 — 1917). Изображение черепа указывает на принадлежность машины к XIX-му корпусному авиотряду, которым командовал лучший русский ас А.А.Казаков. Рис. В.Золотова.

2. “Муромец” — имеется в виду четырехмоторный бомбардировщик, созданный гениальным русским авиаконструктором И.И.Сикорским. Все модификации этого аэроплана (от С-22 до С-26) носили имя “Илья Муромец”. Выпускался заводами акционерного общества Русско-Балтийский Вагонный Завод (РБВЗ).

3. Шидловский Михаил Владимирович — выдающийся деятель отечественной промышленности, председатель правления а/о РБВЗ. С декабря 1914 по апрель 1917 г. — Начальник Управления Эскадры Воздушных Кораблей, в которую были сведены аэропланы типа “Илья Муромец”. Генерал-майор. Силой своего авторитета в “высших сферах” добился вывода Эскадры из подчинения Авиадарма.

4. Все даты в книге В.М.Ткачева приведены по старому стилю.

5. Одна из немногих фактических ошибок В.М.Ткачева: штабс-капитан Б.В.Сергиевский не был морским летчиком (воевал на Северном фронте).

6. К “асам” причислялись все те летчики-истребители, которые имели не менее 5 побед в воздухе. Среди них (имевших ровно пять побед. — А.М.) были — подполковник Багровников, Комаровский, Коссовский, Макеенок, лейтенант Пульпе, прапорщики — Янченко, Кокорин, Сук, Махлапу, Пишванов. Здесь не приводится фамилий тех, кто имел больше 5 побед. (Примечание В.М.Ткачева. — А.М.)

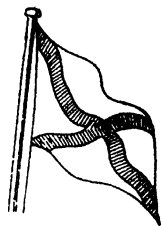
7. К этому можно добавить также, что наибольшее количество сбитых аэропланов (во всех армиях) за всю войну приходится на ее последний год (1918), когда Россия уже была выведена большевиками из войны. Так, Рене Фонт к осени 1917 г. сбил 25 машин (результат, сопоставимый с боевым счетом Александра Казакова), а к ноябрю 1918 г. довел свой счет до 75 побед (по другим источникам — до 82 и даже до 120). Аналогичная динамика побед и у германского аса Манфреда Рихтгофена: к апрелю 1917 г. в его “активе” числились 24 неприятельских аэроплана, а за оставшийся ему год (он погиб 21 апреля 1918 г.) “красный барон” увеличил число своих побед до 80.

Экипаж самолета-разведчика: военный летчик (справа) и летчик-наблюдатель в полном снаряжении (1 — секундомер; 2 — альтиметр; 3 — бинокль; 4 — планшет с картами; 5 — фотоаппарат; 6 — пистолет системы Маузер). Рис. С.Соловьева.

Рисунки любезно предоставлены редакцией журнала “Мир Авиации” (Москва).

КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА

... Корабли Белого Флота... В трехвековой истории Российского Флота, среди тысяч его кораблей и судов, они занимают сравнительно небольшое место, впрочем, как и сам Белый Флот в целом. Несмотря на усилия историков Русского Зарубежья, эта страница истории Российского Флота до сих пор остается малоисследованной. Нет пока и обобщающей работы справочного характера по кораблям и судам Белого Флота. В известных военно-морским историкам и любителям истории флота фундаментальных справочниках “Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.)” С.П.Моисеева (М., 1948) и “Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917 — 1927 гг.)” (М., 1981) можно найти лишь неполную информацию, причем только о тех кораблях и судах, носивших в 1918 — 1924 гг. Андреевский Флаг, которые в определенные периоды своей истории числились в списках либо Российского Императорского (до 1917 г.), либо Красного (после 1917 г.) Флотов. К сожалению, и в готовящемся к изданию многотомном справочнике ведущего, на наш взгляд, из ныне здравствующих историков корабельного состава Отечественного Флота С.С.Бережного, охватывающем в хронологическом отношении период с 1817 г. до наших дней, публикация информации о кораблях и судах, входивших в состав **только** Белого Флота, в принципе не предусмотрена. Поэтому в преддверии 300-летнего юбилея регулярного Российского Флота автор нынешней публикации представляет на суд читателей “Военной Были” первый в своем роде справочный материал о кораблях и судах Белого Флота 1918 — 1924 гг.

Информация о каждом конкретном корабле Белого Флота будет состоять из двух частей — краткой исторической справки и основных тактико-технических элементов (характеристик) корабля. В максимально полном виде краткая историческая справка будет включать в себя класс и название (обозначение) корабля, под которым он состоял в списках Белого Флота, и возможные переклассификации и переименования, даты зачисления в состав флота, закладки (с указанием места постройки), спуска на воду и вступления в строй, смены владельцев и флага и другие важные моменты в биографии корабля. Спе-

цифика тематики данной работы выявила необходимость выделения в исторической справке и такого ее раздела, как указание на конкретное участие корабля в боевых действиях в составе именно Белого Флота, а также чина и фамилии командира корабля в этот период. К основным тактико-техническим элементам (по возможности они указываются на период службы корабля в составе Белого Флота) относятся: водоизмещение (в тоннах), главные размерения — длина, ширина и осадка (в метрах), главные механизмы (число, тип и мощность машин, род и объем запаса топлива, число и род двигателей), максимальная скорость (в узлах), дальность плавания постоянным ходом (в морских милях), бронирование — по отдельным элементам конструкции (в миллиметрах), вооружение (число и калибр артиллерийских систем, пулеметов и торпедных аппаратов и число морских мин заграждения) и численность экипажа.

Информация по кораблям Белого Флота, в связи с его несомненной преемственностью по отношению к Российскому Императорскому Флоту, будет подаваться в соответствии с классификацией кораблей и судов, принятой русским Морским Генеральным Штабом в июне 1915 г. К октябрю 1917 г., с учетом дополнений, она включала в себя 23 следующих класса кораблей и судов Российского Флота: линейные корабли, линейные крейсера, крейсера, эскадренные миноносцы, миноносцы, подводные лодки, минные заградители, сетевые заградители, тральщики, катера-тральщики, канонерские лодки, речные канонерские лодки, сторожевые суда, сторожевые катера, учебные суда, транспорты, посыльные суда, яхты, гидрографические суда, морские ледоколы, портовые и крепостные суда, блокшивы. При этом необходимо отметить, что целый ряд классов кораблей и судов, существовавших к октябрю 1917 г. (например, вспомогательные крейсера, катера-истребители подводных лодок, гидроавиатранспорты и др.), в эту официальную классификацию так и не вошли, а в годы Гражданской войны в России число таких “неклассифицированных единиц” еще более возросло. Поэтому в данной публикации будет сначала представлена информация о кораблях и судах в соответствии с официальной классификацией Российского Флота, а затем о тех, чьи классы в ней отсутствуют (хотя эти единицы и классифицировались в Белом Флоте именно таким образом, как это будет указано в нашем справочнике). Внутри

каждого класса корабли будут размещены по их сроку службы — вначале новейшей постройки, а затем — по убывающей — более ранней.

В соответствии с этим публикацию данного материала на страницах “Военной Были” открывает справка о единственном современном линейном корабле Белого Флота — дредноуте “Генерал Алексеев”.

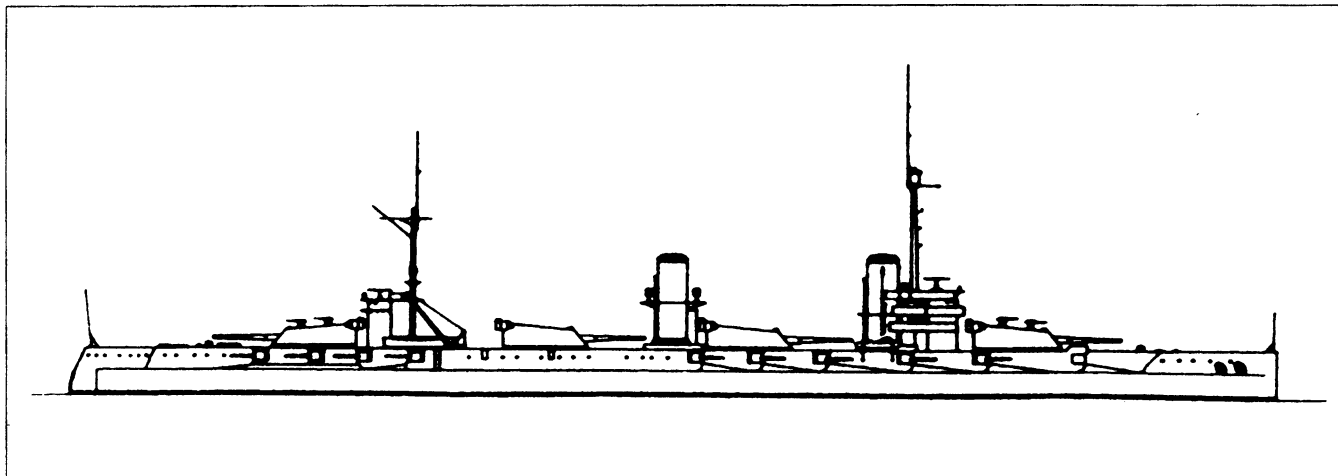
Автор справочного материала “Корабли Белого Флота” будет признателен всем тем, кто найдет время и возможность сообщить ему свое мнение о настоящей публикации или сможет поделиться имеющейся у него информацией на данную тему.

“ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ”

Линейный корабль-дредноут типа “Императрица Мария”. Официально зачислен в списки Российского Императорского Флота как “Император Александр III” 11 октября 1911 г. Заложен на верфи Русского Судостроительного Акционерного Общества (“Руссуд”) в Николаеве официально 17 октября 1911 г.; фактически постройка начата в августе 1912 г. 16 апреля 1917 г. переименован в “Волю”. Вступил в строй 15 июня 1917 г. и вошел в состав Черноморского флота. С 22 ноября 1917 г. по 30 апреля 1918 г. (с февраля 1918 г. даты указываются по новому стилю) официально числился в составе ВМФ Украины. С 30 апреля 1918 г. вновь плавал под Андреевским Флагом. 3 мая 1918 г. захвачен в Севастополе немецкими войсками, поднял немецкий флаг и с 19 июня 1918 г. официально входил в состав ВМФ Германии; в ряде случаев ошибочно именовался немцами “Вольга” (Волга). 8 ноября 1918 г. перешел под русский контроль и 24 ноября 1918 г. вновь поднял Андреевский Флаг. В декабре 1918 г. перешел под контроль англичан, поднял английский флаг (хотя в состав ВМФ Великобритании

официально не включался) и уведен ими в Измид (Турция). 17 октября 1919 г. возвращен в Севастополе русской стороне, вновь поднял Андреевский Флаг и переименован в “Генерал Алексеев”. В составе Белого Флота под командованием капитана 1 ранга Борсука участвовал в артиллерийских обстрелах острова Николаевский (“Первомайский”) 3 августа 1920 г. и Очаковской крепости 4 — 6 августа 1920 г. 15 ноября 1920 г. под французским и Андреевским флагами ушел из Севастополя в Константинополь (Стамбул, Турция), 21 декабря 1920 г. под командованием капитана 1 ранга Федяевского — оттуда в Бизерту (Тунис), где 29 декабря 1920 г. интернирован французскими властями. По некоторым данным, в 1921 — 1924 гг. переименован вновь в “Император Александр III”. 29 октября 1924 г. официально спустил Андреевский Флаг и перешел под французский контроль. В 1934 г. продан на слом и в 1936 — 1937 гг. разобран на металл в Зебре (Тунис). В 1940 — 1945 гг. орудия главного калибра линкора использовались в финской железнодорожной артиллерии и в системе немецкой береговой обороны (“Атлантический вал”) на острове Гернси (Нормандские острова).

Водоизмещение — 22600 т. Главные размерения: длина — 167,8 м, ширина — 27,4 м, осадка — 8,4 м. Главные механизмы: 10 турбин общей мощностью 33200 л.с., 20 котлов (запас угля — 2300 т, нефти — 420 т), 4 гребных винта. Скорость максимальная — 21,5 узла. Дальность плавания — 2960 морских миль. Бронирование: бортовой пояс — 125-262,5 мм, броневые переборки — 50 мм, орудийные башни — 125-250 мм, орудийные казематы — 100 мм, боевые рубки — 250-300 мм, броневые палубы — 25-87 мм. Вооружение: орудия — двенадцать 305-мм, двадцать 130-мм, восемь 75-мм зенитных, четыре 63-мм зенитных, четыре 47-мм зенитных; четыре 7,62-мм пулемета; четыре 450-мм торпедных аппарата. Штатная численность экипажа — 1220 человек.

«ТРАДИЦИОННЫЕ ЧАСТИ» НА ЮГЕ РОССИИ:

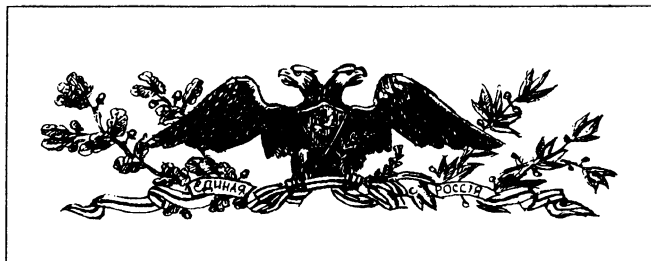
ХАОС ИЛИ СИСТЕМА ?

Благодаря воспоминаниям Белых Вождей и Воинов, белой и эмигрантской литературе и публицистике, мы имеем довольно яркую картину зарождения, борьбы и исхода Белой Армии на Юге нашего Отечества. Но назвать эту картину хотя бы более или менее детальной, к сожалению, нельзя: если первые месяцы существования Добровольческой Армии, первые героические походы, первые громкие победы и горькие поражения довольно хорошо известны, то последующие этапы ее боевой жизни и развития представляются как-то приблизительно, схематично. Создается впечатление, что по мере успехов Вооруженных Сил Юга России, расширения занимаемой войсками территории, роста численности, сама Армия “расплывается” в нашем представлении, теряет четкие очертания.

В самом деле, по сохранившимся воспоминаниям несложно представить легендарные полки 1-го Кубанского похода или бои отряда полковника М.Г. Дроздовского на пути от Днестра к Дону. Гораздо сложнее охватить мысленным взором огромную территорию, занимаемую ВСЮР в момент наивысшего успеха, с действующими на ней несколькими армиями и войсками областей, отдельными отрядами и тыловыми гарнизонами. Здесь — вполне закономерно — воспоминания очевидцев и участников либо разбиваются на множество не связанных между собой подробных описаний увиденного или совершенного самими авторами в разных местах и условиях, либо приобретают всеобъемлющий, но “обзорный” характер.

К сожалению, далеко не полны и находящиеся в нашем распоряжении архивные фонды Белого Юга, — Гражданская война не щадила не только людей, да и сама обстановка отнюдь не способствовала созданию масштабных “делопроизводств”. Но все же лишь на основании строгих документальных свидетельств мы можем более или менее достоверно судить о принципах формирования ВСЮР, их составе и комплектовании, обучении и снабжении и т.п.

Предлагаемый вниманию читателя документ представляет, на наш взгляд, немалый интерес, ибо доказывает, что появление в составе Белой Армии “традиционных” частей и соединений было явлением не только “стихийным”, но и вполне планомерным. (Конечно, настолько, насколько вообще можно говорить о “планомерности” в то время). В нем, как в зеркале, отражается упорное стремление командования ВСЮР начать возрождение Российской Императорской Армии, с ее былой мощью и славными традициями, не дожидаясь окончания Гражданской войны, — и вместе с тем, все препятствия к этому, связанные с

Вариант Государственного герба, принятый на территории Вооруженных Сил Юга России

обстановкой и заставляющие искать компромисс между желаемым и действительным.

Документ представляет собою секретный циркуляр, отправленный из штаба ВСЮР Командующему Добровольческой Армией (в то время — генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский) и сохранившийся в секретной переписке штаба 2-го Армейского корпуса. Отметим, что циркуляр подписан генерал-лейтенантом И.П. Романовским, которому, в числе прочих обвинений, недоброжелателями приписывалось противодействие попыткам восстановления “традиционных” частей”. Датирован документ августом 1919 года, что, естественно, наложило на его содержание заметный отпечаток: именно летом 1919 года войска ВСЮР добились наиболее значительных успехов, выпавших в ходе войны на их долю.

Разгромив в апреле — мае 13-ю и 14-ю Советские армии в Донском бассейне, Добровольческая Армия вырывается на оперативный простор и, вместе с Донской и Кавказской, развивает решительное наступление сразу в трех направлениях: на север (в общем направлении на Москву), на восток (на Царицын) и на запад (в Малороссию).

19 июня (даты в предисловии, как и в документе, указаны по старому стилю), воодушевленный успехами своих войск, Главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин подписывает известную “Московскую Директиву”. В июне — июле белые с боями стремительно продвигаются вперед, занимая Крым, Северную Таврию, Новороссию, ряд губерний Малороссии, выходят на Волгу. В их руки переходят Царицын, Харьков, Екатеринослав, Мелитополь, Севастополь, Николаев, Одесса. В августе части белые подступают к Киеву (взят 17 августа), приближаются к Курску. По пути они заметно пополняются. К примеру, численность Добровольческой Армии за май — июль 1919 года возрастает более чем в 4 раза, достигая к 20 июля 40.000 человек”

Этими несомненными и, как тогда многим казалось, необратимыми успехами и вызван оптимизм Командования и его стремление (во многом совпадавшее с ожиданиями войск) начать немедленное восстановление регулярных “традиционных” частей: для этого, наконец, появились людские и материальные ресурсы. Одно за другим следуют указания о распределении мобилизованных офицеров и солдат в кадровые подразделения по их былой полковой принадлежности. Насущной задачей становится и необходимость ввести в определенные рамки, сделать управляемым и планируемым формирование новых частей и соединений.

Публикуемый документ, как нам кажется, характерен и интересен и сам по себе, ибо в нем нет “следов” войны и революции — уродливых сокращений и торопливой лаконичности. Перед нами классический образец солидного “старорежимного” циркуляра, пример неспешного канцелярского стиля. Почувствовать это помогают сохраненные при публикации основные особенности орфографии оригинала.

И. ГИРКИН

(Публикация и предисловие)

*) РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 6, лл. 61 — 63.

**) См., например: Сумские гусары. 1651 — 1951. — Буэнос-Айрес. 1954. — С. 279, 280.

***) *Деткин А. И.* Поход на Москву. — М.: Лг., 1928. — С. 29.

****) См., например: РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 1, лл. 352, 357 (копия циркуляра Дежурного Генерала Штаба ВСЮР от 14 сентября 1919 г. №. 13291; копия предписания Дежурного Генерала Штаба Добровольческой Армии от 2 сентября 1919 г.).

Генерал И. П. Романовский. *Рис. В. Политу, 1918.*

Начальник Штаба
Главкомандующего
Вооруженными Силами
на Юге России
21 Августа 1919 Года
№. 61
гор. Таганрог

*Циркулярно
Секретно*

Командующему
Добровольческой
Армией

Все расширяющийся фронт наших армий, все более широкие задачи, открывающиеся перед вооруженными силами Юга России в настоящее время и предстоящие им в более или менее близком будущем, обязывают к развертыванию наших вооруженных сил в широких размерах.

После того, как в результате июньского и июльского наступления в наших руках оказалась обширная территория с многочисленным боеспособным населением, мы получили возможность двинуть это дело более ускоренным темпом.

Однако соображения об обеспечении вновь формируемых частей разного рода снабжением не дают возможности развернуть формирования сразу в том масштабе, который представлялся бы возможным в зависимости от наличия людского материала. Это

обязывает установить в деле формирования строгую постепенность, без которой вновь формируемые части, не одетые, необутые и недостаточно снаряженные, явились бы не приращением, а обузой для вооруженных сил.

С другой стороны, намечаемые формирования должны быть сообразованы с боевой обстановкой, с потребностью в усилении вооруженных сил преимущественно на том или другом участке фронта; и в соответствии с этим формирование новых частей не может производиться равномерно по всему фронту.

В настоящее время выдвинулся вопрос об обеспечении сильно разросшегося тыла соответственным распределением гарнизонов. Это может заставить некоторые формирования производить в тылу, что в свою очередь повлияет на выбор частей, предназначенных к формированию в ближайшую очередь.

Опыт почти двух-летней боевой жизни Добровольческой Армии указал на неудержимое стремление старых русских частей к возрождению в составе Добровольческой Армии, причем производителями¹ этого стремления везде являются почти исключительно офицеры старых частей. Явилась необходимость использовать это здоровое течение в офицерской среде.

и в настоящее время в основу развертывания вооруженных сил Юга России положен принцип возрождения старых частей русской армии.

Новые части, создавшиеся в первый период боевой работы Добровольческой Армии, исключительный по своей трудности и по героическим порывам, его сопровождавшим, имеют бесспорно все права на существование и даже на некоторое дальнейшее развертывание: возможность создания таких частей и в будущем не исключается, если новые исключительные обстоятельства вызовут их к жизни. Но план развертывания вооруженных сил Юга России в том широком масштабе, который один может отвечать открывающимся перед нами великим историческим задачам, не может быть основан на таких случайных данных, как формирование новых случайных частей. В основу его должны быть положены соображения, поддающиеся более точному учету и расчету.

С другой стороны, воссоздавая полки и батареи старой армии, имеющие за собой участие в Великой Европейской войне, а многие и вековую историю и громкую боевую славу, опирающиеся на сохранившийся офицерский состав, мы имеем полное основание рассчитывать, что это даст в состав вооруженных сил части, дорожащие предоставленным им правом возрождения, дорожащие своим прошлым и крепкие внутренней спайкой.

В соответствии с этим, соображения об офицерских кадрах отражаются на плане формирования, оказывая влияние на очередь формирования частей: мы можем раньше других воссоздавать те части, для которых успели образоваться более сильные офицерские кадры.

Все налаженное² привело к необходимости внести в формирование частей самую строгую планомерность, которая обеспечивала бы возможность использовать имеющийся людской материал в полном соответствии с имеющимися запасами снабжений всякого рода и обеспечивала бы создание крепких, надежных войсковых частей и притом на тех именно участках фронта и тыла, где является наибольшая в них потребность.

Достигнуть этого в полной мере возможно только при условии сосредоточения руководства всеми формированиями в одних руках, в Штабе Главнокомандующего.

Дабы обеспечить такой порядок вещей, Главнокомандующий в предписании на имя Командующих Кавказской и Добровольческой Армией и Командующего войсками Терско-Дагестанского Края от 16-ого мая за No. 1059 категорически запретил всякие формирования без предварительного его разрешения. Тем не менее, такие самочинные формирования продолжают продолжаться.

Так, в последнее время обнаружилось следующие

Генерал Н.М.Киселевский
Фотография из фондов РГА КФД.

части, сформированные или еще формирующиеся без предварительного разрешения Главнокомандующего:

Стрелковые полки 1-й Кавказской, 4-й Кубанской, 1-й Терской казачьих и Сводно-Горской конной дивизий, Сводно-Стрелковый батальон в 3-й пехотной дивизии, Таганрогский пехотный полк в 3-м армейском корпусе, несколько отдельных офицерских рот и батальонов, конный отряд полковника Главче в 1-м армейском корпусе, Сводно-Горский конный полк в 1-м Кубанском корпусе, Александрийский Гусарский полк на Северном Кавказе, 3-й Калмыцкий казачий полк в Астраханской конной дивизии (несмотря на то, что полк того же названия был раньше сформирован приказом Главнокомандующего), Волчанский партизанский отряд в составе Добровольческой Армии, несколько эскадронов старых полков при пехотных полках, Казачья батарея при 1-й Терской казачьей дивизии, Запасные батареи в 1-й и 3-й артиллерийских бригадах, несколько бронепоездов, Кубанский Осетинский дивизион.

В каждом очередном выпуске боевого состава вооруженных сил появляются названия не существующих официально частей.

Такие самочинные формирования нарушают все предположения Штаба Главнокомандующего о последовательности формирования разных частей, вносят

полную путаницу в снабжение формируемых войск, так как заставляют, по произволу младших начальников, направлять обмундирование, вооружение и снаряжение не в те части, в которые было предположено по плану формирования, а в другие; это приводит к тому, что в свою очередь вызывает несправедливые нарекания войск на распределительные и довольствующие органы и дает пищу для злонамеренной агитации.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ приказал еще раз подтвердить Вам, что формирование каких-либо войсковых частей без предварительного разрешения Его Превосходительства он считает решительно недопустимым и категорически настаивает, чтобы Вы потребовали и добились от подчиненных Вам Начальников такого же решительного отказа от всяких самоchinных формирований.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ предупреждает, что всякое нарушение этого требования он будет считать превышением власти со стороны тех начальников, которые самовольно дадут разрешение на формирование новых частей или не прекратят начавшиеся в сфере их ведения формирования, и которые разрешат или прикажут довольствующим учреждениям снабжать такие самовольно сформированные части разными видами довольствия от казны.

Одновременно с этим Главному Начальнику снабжений и Главному Полевому Контролеру сообщается распоряжение Главнокомандующего о том, что ни одна часть, на формирование которой не дано разрешение Главнокомандующего, не имеет права на какие-либо отпуска от казны, и все отпуска, сделанные таким частям, должны быть обращены к взысканию с виновных в порядке начета.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ надеется, что после настоящего моего уведомления Вы примете все меры к совершенному искоренению самовольных формирований в подчиненных Вам войсках.

Вместе с тем **ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ** приказал сообщить Вам, что в вопросах новых формирований Его Превосходительство всегда готов выслушать пожелания войск и их начальников, через Вас ему представляемые, и готов их принять [в] соображения при последующих формированиях, если эти пожелания не будут идти вразрез с теми принципиальными положениями, на которых основан план дальнейших формирований.

Для сведения Вашего сообщаю Вам, что главнейшие основания осуществляемых ныне и намеченных на ближайшее будущее формирований заключаются в следующем:

1) Развертывание вооруженных сил на Юге России основывается на формировании регулярных частей. Дальнейшее развитие казачьих и горских форми-

рований вследствие значительного истощения источников укомплектования признается невозможным.

2) Формирование регулярных частей должно вылиться в форму воссоздания старых частей русской армии.

3) Воссоздание старых частей происходит путем накопления при действующих частях офицеров старых частей и постепенного развертывания этих ячеек, завершающегося отделением их от действующих частей и образования из них новых отдельных частей. Опыт показал, что наиболее удобным является сначала создание сводных частей, соединяющих в себе ячейки нескольких родственных старых частей, с тем, чтобы постепенным раскалыванием их впоследствии выделять из них отдельные части старых наименований. У нас уже имеется и в пехоте, и в кавалерии, и в артиллерии несколько сводных частей разных наименований.

4) Ячейки старых частей в составе действующих могут образовываться распоряжением ближайшего начальства на основании приказа Главнокомандующего от 11 октября 1918 года за № 10, согласно которого все прибывающие в армию чины должны группироваться к одному месту по признакам прежней службы в войсках старой русской армии.

5) Выделение ячеек в отдельную часть (батальон, дивизион, полк, батарею) может состояться не иначе как по предварительному разрешению **ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО**.

6) В пехоте, если действующий полк является уже сводным полком своей старой дивизии, то с разрешения Главнокомандующего он может быть доведен до четырехбатальонного состава с тем, чтобы каждый старый полк был представлен одним батальоном действующего полка³. При первом раскалывании такого полка образуется два сводных полка той же дивизии, а при втором раскалывании — восстанавливаются старые полки.

Подобным образом может происходить раскалывание сводных полков и в кавалерии.

7) **ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ** ставит непременным условием формирования новых частей — обязательное доведение до полного штата тех действующих частей, при которых формируются новые⁴. На этом основании разрешение Главнокомандующего на образование отдельной части из сформированной в действующем полку ячейки или на дальнейшее развертывание существующего сводного полка может быть испрашиваемо только тогда, когда действующие полки доведены до полного штата, о чем должно быть оговорено в ходатайстве⁵.

8) Вновь формируемые полки остаются в тех дивизиях, в составе которых формируются.

Образование новой дивизии и корпусов может состояться только по особому распоряжению Главного командующего.

9) Формирование новых артиллерийских частей должно идти параллельно с формированием пехоты и кавалерии; ввиду несколько иных условий, по сравнению с пехотой и кавалерией, воссоздание старых частей артиллерии не может быть тесно связано с воссозданием одноименных частей пехоты и кавалерии, а потому большая часть артиллерийских формирований носит характер создания новых частей; но и теперь уже в артиллерии имеются несколько сводных частей старых наименован[ий].

Дальнейшее развертывание артиллерии должно быть сообразовано с развертыванием пехоты и кавалерии и выразиться в том, что при увеличении числа батальонов и полков в пехотных дивизиях будет увеличиваться число батарей в соответствующих бригадах, а с разделением действующей дивизии на две или с созданием новой дивизии из полков разных действующих дивизий соответствующая артиллерийская бригада будет развертываться в две артиллерийские

бригады или часть батарей будет выделяться из разных бригад вместе с соответствующими полками для образования новой бригады.

Подобным образом будет развертываться и конная артиллерия.

10) Формирование инженерных частей и частей специального назначения производится также по определенному плану соответственно имеющимся в нашем распоряжении средствам.

Подлинное подписали:

Генерал-Лейтенант *Романовский*

Инспектор формирований

Генерал-Лейтенант *Киселевский*

С подлин[ным] верно:

Начальник Инспекторского отделения

Отдела Дежурного Генерала

Штаба Добровольческой Армии

Полковник [*Базилевич*]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в документе. Возможно, следует читать: "проводниками".

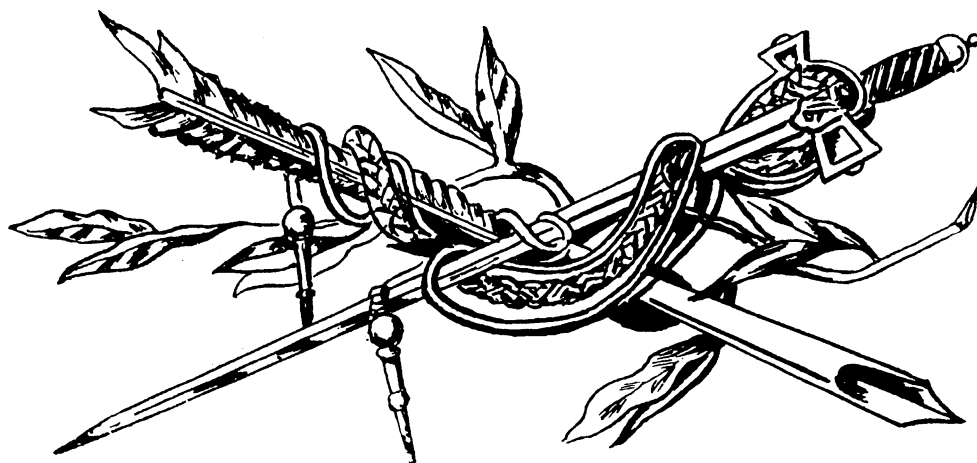
2. Так в документе. Возможно, следует читать: "изложенное".

3. Временный штат пехотного полка, утвержденный 4 августа 1918 г. Верховным Руководителем Добровольческой Армии генералом-от-инфантерии М.В.Алексеевым, предусматривал наличие только трех батальонов (РГВА. Ф. 39673. оп. 1, д. 1, лл. 147 — 152).

4. По штату в составе пехотного полка должно было быть 310 офицеров, 7 чиновников, 3.041 солдата, 231 лошадь и 124 повозки; конного полка — 127 офицеров, 965 солдат, 1.078 лоша-

дей и 47 повозок (РГВА. Там же. Лл. 120 — 121, 147 — 152). Нечего и говорить, что до такого штата не был доведен ни один полк Белой Армии.

5. О том, что стремление к развертыванию без достижения штатной численности было обычным, свидетельствует, например, телеграмма генерала Романовского от 24 сентября 1919 г.: "... При условии личного состава полков восемьсот — тысяча штыков Главного командующий не находит возможным разрешит[ь] разворачивание полков дивизий" (передано в штаб 2-го Армейского корпуса из Штаба Войск Киевской Области). (РГВА. Там же. Л. 382).

«ЯКУТЦЫ НЕ ПРИВЫКЛИ К ПОРАЖЕНИЯМ...»

(К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну)

Нагрудный знак 42-го пехотного Якутского полка

предков в рядах Добровольческой, Донской и Южной Армий. Одной из самых известных таких частей был имевший более чем столетнюю историю 42-ой пехотный Якутский полк, ячейки которого в разное время создавались в составе Саратовского корпуса Южной Армии, Отдельной Одесской бригады генерал-майора Н.С.Тимановского, а в 1919 году были развернуты в полк и успешно действовали в составе 7-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Н.Э.Бредова.

Этому периоду истории славного полка была посвящена статья подполковника Чернопысского "42-й пехотный Якутский полк в гражданской войне", опубликованная в №.126 "Военной Были" в январе 1974 года. Дав общий очерк боевой работы Якутцев в 1918 — 1920 гг., непосредственным участником которой он был, автор уделил неравное внимание различным периодам: основная часть статьи посвящена созданию полковых ячеек в 1918 году, а бои лета — осени 1919 года освещены отрывочно и кратко.

Этот пробел отчасти восполняется публикуемым ниже рапортом генерал-майора Т.Берниса на имя начальника Штаба войск Новороссийской области генерал-майора В.В.Чернавина (РГВА. Ф. 39660, оп.1, д. 390, лл. 472 — 475 об.). Ценность документа состоит в том, что генерал Бернис, командовавший 42-ым пехотным Якутским полком в июле — ноябре 1919 года, наряду с высказыванием личных претензий к начальнику 7-ой пехотной дивизии генералу Бредову, описывает в рапорте и деятельность Якутцев под

возрождение старых полков Российской Императорской Армии, на основе офицерского, а часто и унтер-офицерского кадра, было отличительной чертой Белых вооруженных формирований на Юге России. "Традиционные" полки (или полковые ячейки) не раз подтверждали вековую славу своих

своим командованием. Кроме того, рапорт хорошо отражает сложные отношения между старшими начальниками и командирами частей в войсках Киевской области, а также ряд особенностей психологии Гражданской войны, — в частности, стремление причислять к подразделениям своего полка все формирования, которые создавались при нем в моменты военных успехов и притока добровольцев, а впоследствии зачастую отделялись от полка, действуя самостоятельно или в составе других частей (возможно, именно этим объясняются приводимые автором рапорта сведения о численности Якутского полка, которые могут показаться преувеличенными).

Конечно, основной целью генерала Берниса было не написать историю своего полка, а устранить несправедливость, по его мнению, имевшую место по отношению к нему со стороны генерала Бредова. Но, скорее всего, этой цели автор рапорта не достиг. Написанная им бумага осела в делах Штаба войск Новороссии, а Бернис, скорее всего, так и не дождался ответа (на рапорте отсутствуют какие-либо пометки или резолюции). — если, конечно, не считать ответом назначение его (без определенной должности) в 5-ую пехотную дивизию генерал-лейтенанта П.С.Оссовского, входившую в состав 2-го армейского корпуса. 24 января (старого стиля) 1920 года штаб Комкора 2 генерал-лейтенанта М.Н.Промтова и 5-ая пехотная дивизия подошли к Одессе, и прибывший в тот же день в Штадив 5 генерал Бернис был приказом Оссовского назначен командиром бригады. Это были дни агонии войск Новороссии: основные боеспособные части двинулись к Румынской границе, а общее командование над ними вскоре принял генерал-лейтенант Бредов...

Генерал-майор Т.Бернис

Можно только догадываться, что чувствовал Бернис, вновь оказавшись в прямом подчинении у человека, которого он две недели назад официальным документом обвинял в пристрастности и несправедливости, и как складывались их взаимоотношения во время знаменитого марша на север, к границам Польши, вскоре получившего название “Бредовского похода”. После соединения с польскими войсками группа Бредова, несмотря на принятое громкое название “Отдельной Русской Добровольческой Армии”, была интернирована, а 26 апреля (возможно, нового стиля) начальник 5-ой пехотной дивизии генерал Оссовский объявил в приказе, что командир бригады генерал Бернис “самовольно отправился в Латвию”. Быть может, единственным документальным свидетельством конфликта в войсках Киевской области остался рапорт генерал-майора Берниса, помимо этого, навсегда запечатлевший для историков эпизоды и подробности мужественной борьбы Якутского полка в рядах Вооруженных Сил Юга России.

А. КРУЧИНИН

(Публикация и предисловие)

Состоящий в прикомандировании
к Штабу Командующего войсками

Новороссийской Области

Генерал-Маиор Бернис Начальнику Штаба

11 Января 1920 года¹

РА П О Р Т

№.7

гор.Одесса

Приказом Главнокомандующего вооруженными силами на юге России №.1267 — 1919 года² я был назначен Командиром 42 [пехотного] Якутского полка и перед отъездом в полк получил секретное указание поднять полк в боевом отношении и сплотить чинов полка, чего, повидимому, в полку не было. Возложенную на себя задачу я исполнил. За время моего командования полк приобрел боевую славу, что приписываю сплоченной работе чинов полка. Полк я принял малочисленного состава: 2 батальона численностью каждый не более 150 человек. Не получая пополнения, а лишь своим старанием, я полк развернул в 4-х батальонный состав численностью каждый 300 — 350 штыков, вливая в ряды забираемых в боях военнопленных, после непродолжительной подготовки в созданном при полку запасном батальоне³, под названием учебной команды. Несмотря на такой состав полка, Якутцы под моим руководством в течение пяти месяцев поражали врага и забирали трофеи по пути от Полтавы до Киева, от Киева до Чернигова и при вторичном освобождении Киева от большевиков. Много обязан мне и Якутцам Начальник Полтавского отряда Генерал Бредов по овладению этими пунктами, но ни я, ни Якутцы сущей благодарности не видели, и полк в течение 6-ти месяцев, как вошел в

состав 7 пех[отной] дивизии, ни один день отдыхом не пользовался, а напротив, получал и исполнял самые трудные боевые поручения, как то:

По занятии Киева в августе месяце на один батальон Якутского полка была возложена задача охранять все мосты через Днепр и охрана всех вокзалов гор[ода] Киева, а другой батальон, не заходя в Киев, вместе с конным Осетинским полком был отправлен занять города Остер и Козелец, а прочие полки 7 дивизии получили пассивную задачу оборонять Киев. Отряду, отправленному на Остер и Козелец, данную задачу исполнить не удалось, и Киеву со стороны Козельца начала угрожать опасность. Тогда я получил боевую задачу со всем полком (который только что развернулся в 4-х батл.⁴ состав) выступить для овладения гор[одами] Остер и Козелец и дальше двигаться на Чернигов. Якутцы свою задачу исполнили [:] гор[ода] Остер, Козелец и Чернигов были взяты, но части, оставленные для обороны Киева, не выдержали натиск красных, и Киев вновь попал в руки большевиков, после чего я был с полком вызван на выручку Киева. Оставивши один батальон для прикрытия Чернигова, с 3 батальонами я вернулся в Киев. Несмотря на усталость, люди, ободренные мною, в течение 2-х дней сделали 120-ти верстный переход, на третий день утром прибыли в Киев, где застали большевиков, с похода сразу вступили в бой и через день уже Киев был очищен⁵ от большевиков. Якутцам после столь тяжелой работы, вместо отдыха, был дан самый серьезный боевой участок по реке Ирпень от дер[евни] Заборье до дер[евни] Романовка — оба пункта включительно, что составляет по фронту 22 версты. Якутцы и здесь остались стойкими, пока один батальон не перебросили на участок стрелкового полка, а на замену батальона,

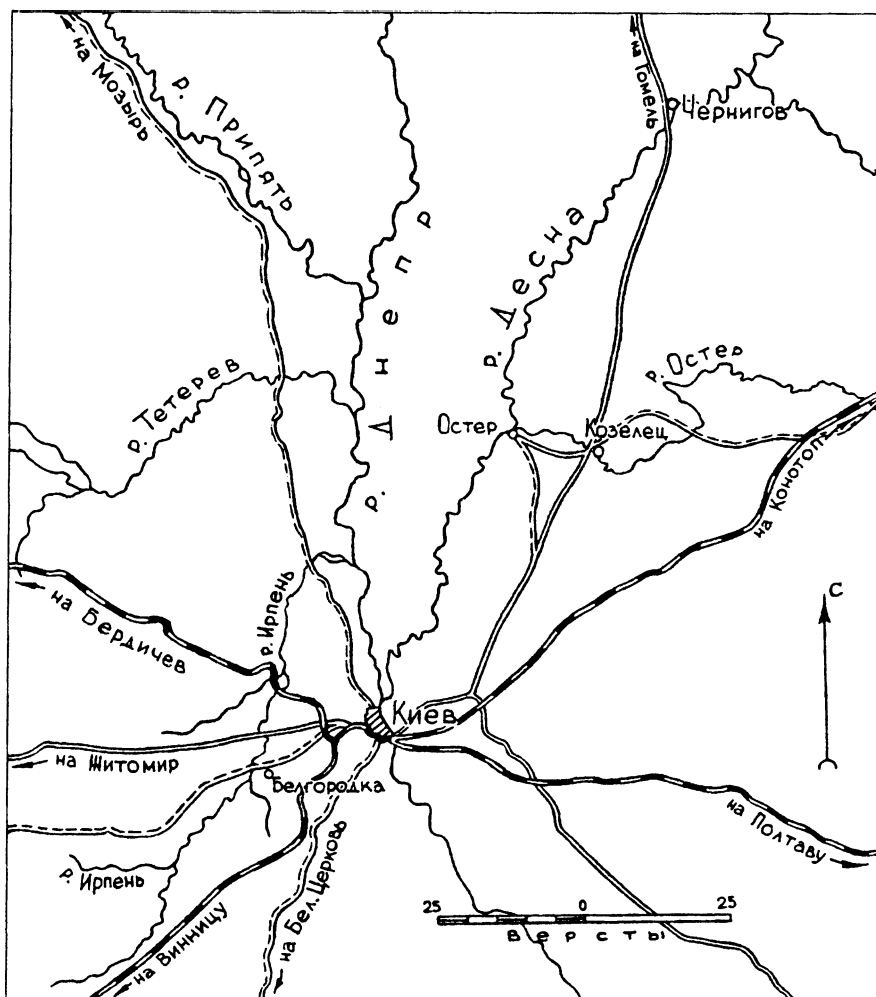
Командующий Добровольческой Армией генерал-лейтенант В.З.Май-Маевский (слева) и начальник 7-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.Э.Бредов.

1919. Фотография из фондов РГА КФД.

прибывшего из Чернигова, не выслали другой батальон на поддержку Гвардии. Туда же была отправлена моя офицерская рота [—] 150 штыков и учебная команда [—] 200 штыков (полковой зап[асный] батальон). Таким образом, на 22-х верстном фронте в мое распоряжение было оставлено 2 батл.⁶ малочисленного состава и истрепанные в боях. На мои просьбы не разъединять полк и обратить внимание на мой серьезный боевой участок — не было обращено внимания ни Генералом Бредовым, ни Генералом Непениным. Мне пришлось оборонять 22-х верстный фронт, не прикрытый надежно с флангов, с 350 штыкм.⁷, а против меня, по точным данным, стояло 3 советских полка численностью каждый до 700 штыков, что было известно Генералу Бредову и Генералу Непенину. Когда река Ирпень замерзла, противник, зная мой малочисленный состав, начал производить ночные набеги. Противодействовать, не имея в своем распоряжении резерва, в любой момент я не имел возможности, а Генерал Непенин свой резерв по моим донесениям высылал не своевременно (спустя часов 12, хотя резервный батальон от меня находился в верстах 4, а то и ближе). Благодаря таким порядкам, у меня в боях с 12 по 18 Ноября выбыло из строя много людей и батарея у дерев[ни] Белгородка.

Якутцы не привыкли к поражениям, как в прошлую войну, так и за бытность в Добрармии, но видя пристрастное отношение со стороны высшего начальства, та маленькая горсточка, что осталась в моем распоряжении после 17 Ноября: 1 рота [—] 24, 2 рота [—] 20, 3 рота [—] 33, 4 рота [—] 43, 9 рота [—] 39, 10 рота [—] 40, 11 рота [—] 50 и 12 рота [—] 26 штыков на 22-х верстном фронте, начала нервничать, а нервность могла перейти в панику.

Состоя на военной службе более 23-х лет и в Добрармии около двух лет, я привык служить верой и правдой и не скрывать от начальства, что происходит в среде моих подчиненных, ввиду чего 17 Ноября я секретно подробно донес о всем Генералу Непенину и просил дать мне хоть какую-нибудь свежую не утомленную часть. Мое секретное донесение, повидимому, было доведено до Генерала Бредова, что и послужило поводом моего отрешения от командования полком. За все время моего пребывания с полком в составе 7 пех[отной] дивизии я со стороны Генерала Бредова видел лишь одно пристрастное и не справедливое отношение ко мне и к полку. Ясным фактом

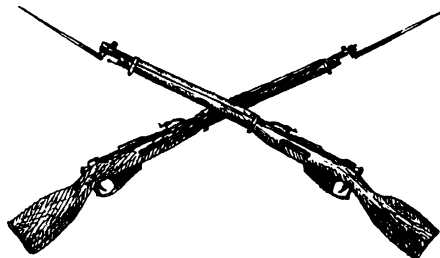
Район действий 42-го пехотного Якутского полка в августе — ноябре 1919 года

является: распыление полка по чужим участкам, отправка полка для исполнения серьезной боевой задачи с испорченными орудиями, несвоевременная высылка подкрепления во время серьезной операции, когда на это была возможность, отказ в офицерах, когда в полку был большой некомплект, а по Киеву гуляли офицеры без дела. Несмотря на это, я благодаря своим настойчивым боевым требованиям, предъявленным как офицерам, так и солдатам, сумел побеждать и отражать все нападки⁸ большевиков, что было и во время последних непрерывных боев с 12 по 18 Ноября 1919 года, где большевики задались целью во что бы то ни стало прорвать мой фронт и овладеть Киевом, но все их атаки были отбиты, и к вечеру 18 Ноября я восстановил положение на всем своем боевом участке. Якутский полк небоеспособным я не считал, и с моей стороны подобных донесений не последовало ни Генералу Бредову, ни Генералу Непенину. Считаю свое отрешение от командования полком со стороны Генерала Бредова пристрастным и не справедливым. Прошу Вашего ходатайства перед Командующим войсками о назначении по этому вопросу расследования, а если я окажусь в чем-либо виноватым, то предать меня суду. Подобное ходатайство я

возбуждал перед Начальником Штаба Командующего войсками Киевской области, но ввиду отхода от Киева оно осталось без последствия.

ПРИЛОЖЕНИЯ⁹: Копия моего донесения, послужившего поводом моего отрешения, копии донесений батальонных командиров, на основании которых последовало мое донесение, копия предписания Генер[ала] Бредова о сдаче полка, копия выписки о прохождении службы в Якутском полку и участии¹⁰ в боях.

Генерал-Маиор *Бернис*

В.ЦВЕТКОВ

«ЛЕГИОН СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА»

ГВАРДИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ: ИЗ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Среди малочисленных и подчас малоизвестных большинству населения белого Юга России политических объединений, групп и мелких группировок, претендовавших на “ведущую роль” в послереволюционной России, выделялась организация, которая, в отличие от других структур “демократической общественности”, четко заявляла о необходимости возрождения России на исконных, национальных принципах государственности, принципах Православной Веры и Православной Монархии. Этой организацией был “Союз русских национальных общин”, во главе которого стояли известный публицист И.А.Корвацкий (старейшина Центрального Совета Союза) и Н.Г.Панченко, член Ставропольско-Терского союза сельских хозяев (заведующий пропагандой Союза). Заместителем старейшины Центрального Совета и главой военной секции Союза был генерал-майор Н.С.Батюшин, возглавлявший в годы Великой войны контрразведку Северного фронта и расследовавший знаменитое “дело Мясоедова” и преступные связи окружения Г.Е.Распутина. Активную поддержку Батюшину оказывал генерал-майор А.Д.Нечволодов, бывший не только строевым командиром, но и автором известного “Сказания о Русской Земле”.

На съезде Союза русских национальных общин 14 (27) июля 1919 г. в Эссентуках и в утвержденном уставе Союза говорилось о необходимости “нравственного

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все даты в документе — по старому стилю.
2. По другим источникам — приказом № 1251 от 18 июня 1919 года (см.: РГВА. Ф. 39673. оп. 1, д. 1, лл. 43, 45).
3. В документе: “в созданном при полку в запасном батальоне...”
4. Так в документе. Должно быть: “4-х батальонный”.
5. Так в документе.
6. Так в документе. Должно быть: “2 батальона”.
7. Так в документе. Должно быть: “с 350 штыками”.
8. Так в документе.
9. Приложения в деле отсутствуют.
10. В документе: “участия”.

Святитель Тихон, Патриарх Московский
и всея России

влияния Церкви Христовой на все стороны государственной жизни”, о “полной и действительной связи Церкви с государством, нравственном влиянии на дела правительственной власти, законодательство, вопросы политики и проч.”. Военное устройство будущей России представлялось лидерам Союза “основанным на традиционных началах военной службы... подкрепленной духовными ценностями Православия”. Это, по мнению ген. Нечволодова, предотвратило бы возможность повторения “развала армии и развала Отечества в 1917 году”.

Однако ген. Батюшин считал нужным не только возродить традиции старой Русской Армии. В условиях гражданской войны, когда принципы “регулярства” в формировании новых воинских частей уступали место принципам “добровольчества”, Союз выступил с инициативой организации специальных частей, также построенных на началах добровольной службы как нижних чинов, так и командного состава. По замыслу Батюшина и Нечволодова, эти формирования должны были “под знаменем Святого Животворящего Креста” осуществить “крестовый поход” против “захватившего Россию инородческого, противного Богу Интернационала”. Подобная трактовка борьбы с большевизмом, как считалось, привлечет к себе многих офицеров, а также простых крестьян и рабочих, неудовлетворенных “непредрешенчеством” политического руководства Белого движения на Юге России.

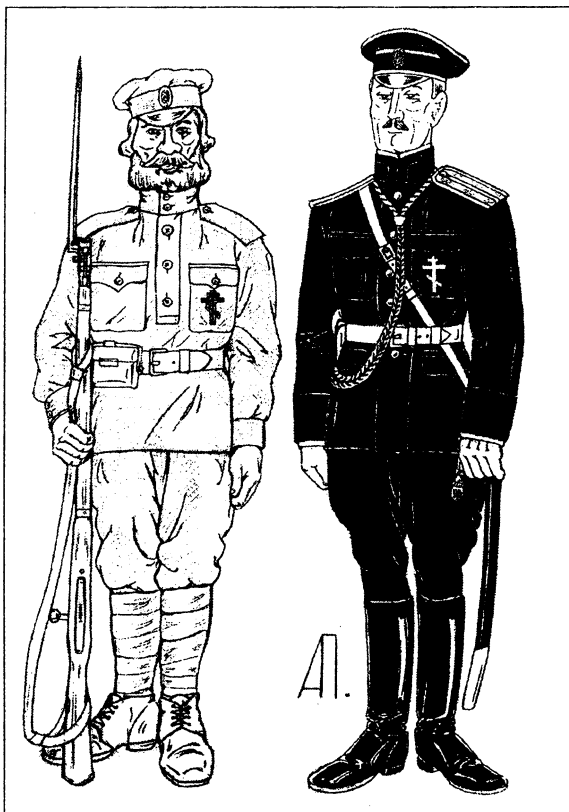
Большой любовью и известностью на белом Юге пользовалось имя Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона. Особую популярность имели его проповеди и Послания, в частности, Послание о Брестском мире от 5 (18) марта 1918 г., в котором отмечалось, что “этот мир ... не приведет к братскому сожительству народов ... в нем зародыши новых войн и зол для всего человечества”. Неоднократно издавалось на освобожденных белыми территориях Послание Святейшего Патриарха от 19 января (1 февраля) 1918 г., провозглашавшее анафему гонителям Церкви, осуждавшее развал государственности и насилия, чинимые над невинными людьми, призывавшее к защите святынь.

Именно этот призыв, по мнению ген. Батюшина, должен был стать основанием для создания воинских формирований, освященных именем Святейшего Патриарха. 24 августа

(6 сентября) 1919 г. на страницах издававшейся в Екатеринодаре газеты “Станичник” было опубликовано заявление Союза русских национальных общин об организации “отряда особого назначения”. Этот отряд должен был именоваться “Легионом Святейшего Патриарха Тихона” и стать первой боевой единицей в составе предполагавшейся Союзом “Гвардии Православной Руси” — своеобразной военной организации, действующей в составе Вооруженных Сил на Юге России и в то же время подчиненной руководству Союза. Считалось, что чины “Легиона” помимо боевой работы на фронте будут вести “пропаганду идей русского национализма” среди населения прифронтовых районов.

Для чинов “Легиона” предусматривалась специальная форма одежды. Походная форма отличалась от общевойсковой по цвету — она должна была быть сшита из материи стального цвета. Погоны и кокарды — общевойскового образца. Парадная форма предполагалась сшитой из черного бархата, фуражка — черная с белыми кантами, офицерские погоны — золотые с красными просветами. Отличительным знаком “Легиона” становился нагрудный крест (по всей видимости, Православный, осьмиконечный) — черной эмали для нижних чинов и белой эмали для командного состава. Проектировалось также введение особых воинских чинов для “легионеров”, аналогичных чинам стрелцкого войска, однако реального воплощения в жизнь эта мера не получила — как, впрочем, и сама идея “Легиона”.

Эта организация так и не была осуществлена. Очевидно, для военного руководства ВСЮР (в частности, Инспекции формирований) представлялась нежелательной идея создания какими-либо политическими структурами воинских частей, даже если эти части и должны были бы принимать непосредственное участие в боевых действиях совместно с частями ВСЮР. — не говоря уже о сомнительном “двойственном подчинении” и о том, что подобные “партийные” формирования имели тенденцию становиться своего рода политической полицией, что противоречило не только идее единого командования, но, пожалуй, и замыслам их создателей. Особо стоит отметить, что благословения Святейшего Патриарха на использование его имени получено не было, а само это использование могло сильно повредить Предстоятелю Русской Церкви.

Предполагаемый вид парадной (офицер) и походной (рядовой) формы Легиона Святейшего Патриарха Тихона. Рис. А.Петрова.

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ

В Музее истории Донского казачества в Новочеркасске хранится сабля, предназначавшаяся в награду известному участнику Белой борьбы генерал-лейтенанту К.К.Мамантову за знаменитый рейд его конной группы по тылам красных в 1919 году. Ножны и эфес сабли изготовлены из серебра и украшены высокохудожественными рельефами, обрамляющими прямоугольные пластинки цветной эмали (с лицевой стороны — синего цвета, с оборотной — коричневого). На эфесе изображены вензель “К.М.” — Константин Мамантов (лицевая сторона) и герб Всевеликого войска Донского — “Елень (олень), пораженный стрелой” (оборотная сторона), на ножнах (лицевая сторона) — батальные сцены. Кольца для портупей помещены на вогнутой стороне ножен (т.е. сабля должна была носиться “по-европейски” — лезвием вперед, в отличие от общепринятой шашки).

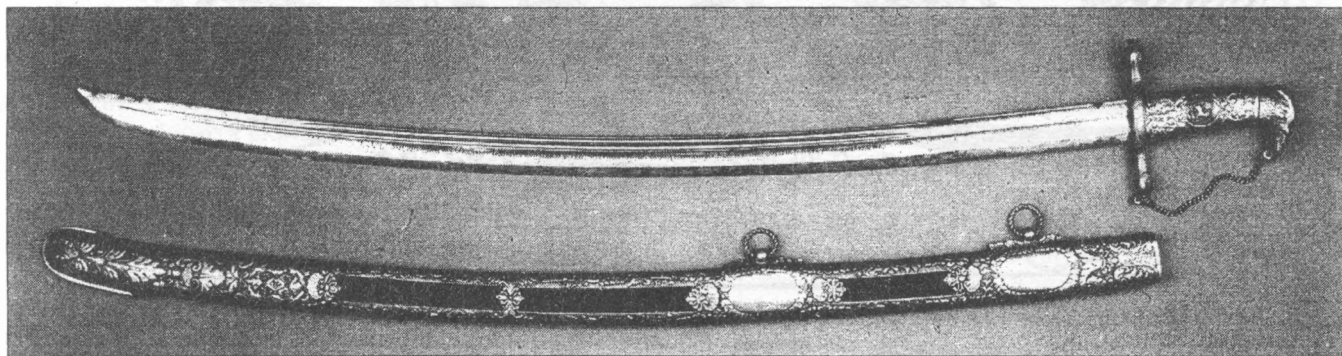
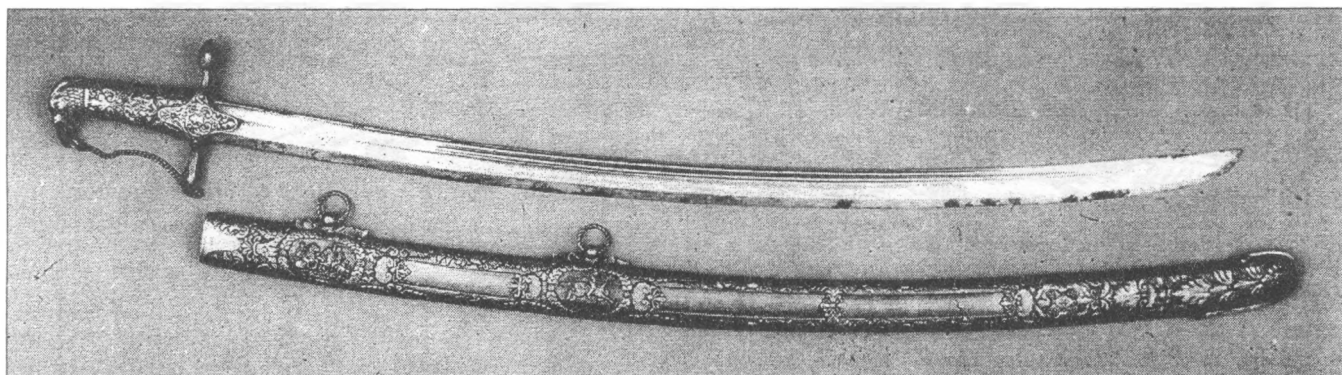
На клинке выгравированы надписи: “Герою Родины Генералу Мамантову от Донского Атамана и Правительства за беспримерные в мировой истории рейды с казачьей конницей в войне с большевиками” (лицевая сторона) и “18 мая 1919 г. — 12 июня 1919 г. Константиновская — Морозовская — Чир — Н[ижне-] Чирская — Усть-Медведицкая — Арчада — Раздорская — Березовская — Дубовка. 28 июля 1919 г. — 5 сентяб[ря] 1919 г.

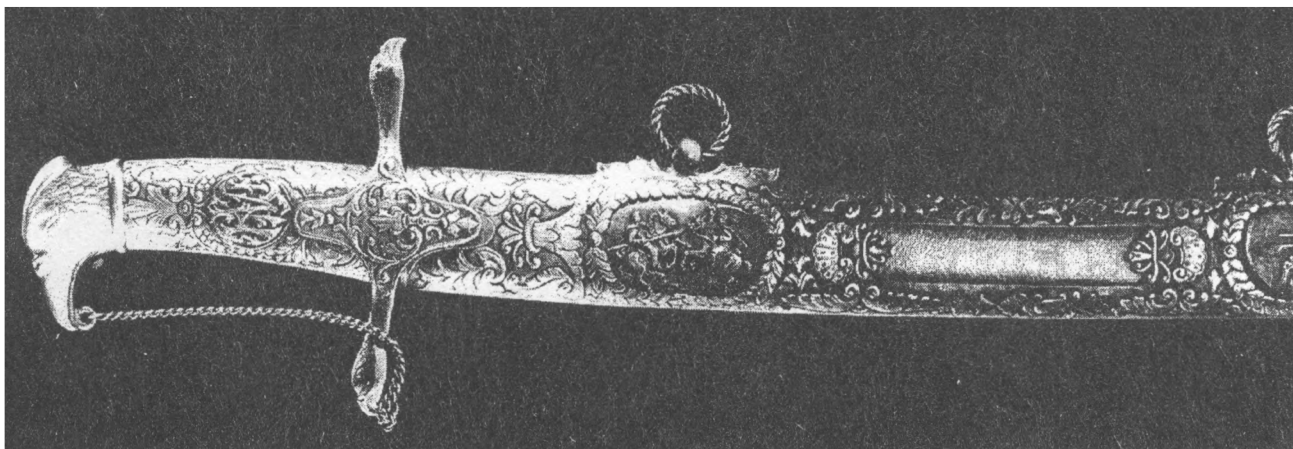
Еланское Колено — Тамбов — Козлов — Лебедянь — Елец — Каспийская — Грязи — Воронеж — Средний Икорец — Репьевка — Коротояк” (оборотная сторона). На изготовителя сабли указывает надпись “Т-во Увриев”.

По внешнему виду это наградное оружие напоминает “клычи” — вид сабель, изготовлявшихся по особому заказу в начале XX века для офицеров Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка, Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, 1-ой Уральской Его Величества сотни Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка и 6-ой Донской казачьей Его Величества батареи Лейб-Гвардии Конной Артиллерии. Образцом же для клычей, в свою очередь, служили старинные казачьи и легко-кавалерийские сабли.

Генерал-лейтенант К.К.Мамантов. 1919. Фотография из фондов РГА КФД.

Казацька стрѣла — Генералъ Мамантовъ.

Лубочная картинка С.В.Воинова из журнала "Сполох" (№2, Новочеркасск, 1919).

АВГУСТ 1920,

БРОНЕВСПОМОГАТЕЛЬ «ЖЕЛ-БАТ. 2»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания В.Ю.Липеровского, любезно предоставленные “Военной Были” Н.Л.Казанцевым (Аргентина), были написаны как дополнение к рассказу о гибели бронепоезда “Генерал Алексеев” (6 августа 1920 г.¹), который приведен в книге подполковника В.Е.Павлова “Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 — 1920 годов”². Краткость и недостаточная ясность описания этой трагедии побудили одного из ее очевидцев, более 60 лет спустя, изложить свою версию происшедшего.

В письме в редакцию “Военной Были” Н.Л.Казанцев сообщает следующие сведения об авторе публикуемых воспоминаний: “Владимир Юрьевич Липеровский родился в 1903 году в Варшаве, в семье воспитателя Киевского Кадетского Корпуса. Учился в реальном училище и из 6-го класса ушел на фронт Гражданской войны, поступив в ряды Добровольческой Армии. После поражения Белых попал в Галлиполи. Чтобы закончить образование, поступил в Русскую гимназию, основанную в Константинополе и вскоре переведенную в Чехию, в Моравскую Тшебову. В Чехии учился в политехникуме на межевом отделении. После [Второй Мировой] войны — снова эвакуация, в этот раз в Аргентину, где работал много лет по строительству. Скончался он в 1991 году”.

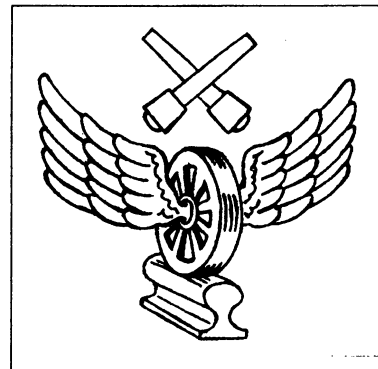
В 1920 году В.Ю.Липеровский служил на вооруженном поезде-вспомогателе “Желбат 2”, который в зимне-весеннюю кампанию (оборона Крыма под руководством генерала Я.А.Слащова) выполнял функции легкого бронепоезда, в основном на Чангарском боевом участке. Хотя в исторической литературе действия “Желбата 2” не нашли отражения (так, в капитальном труде подпоручика А.А.Власова “О бронепоездах Добровольческой Армии” упоминается только его “родственник”, имевший более сильный состав — броневспомогатель “Желбат 1”, переименованный впоследствии в “Студент”, погибший в бою 24 февраля³), самоотверженная работа скромного вспомогателя вполне заслуживает внимания историка.

Первое известное нам упоминание об участии в боях “Желбата 2” относится к началу февраля 1920 года, когда он входил в передовой отряд бронепоездов, оперировавший у Чангарского железнодорожного моста и базировавшийся на ст. Таганаш. К 12 февраля “Желбат 2” был отведен в резерв на ст. Джанкой, имея

в тот момент в своем составе одну орудийную и одну пулеметную бронеплощадки (по-видимому, самодельные). Вооружение его состояло из одного трехдюймового орудия образца 1902 г. и семи пулеметов системы Максима⁴. За неполные две недели стоянки в ближнем тылу вспомогатель “разжился” еще двумя пулеметами Максима и к 23 февраля вновь выдвинулся к Таганашу. В этот момент “Желбат 2” имел солидный по тем временам боезапас — 500 трехдюймовых гранат и шрапнелей и 30 тысяч патронов; команду вспомогателя составляли 3 офицера и 20 нижних чинов, — очевидно, по существовавшему для бронепоездов порядку распределенные по двум сменам⁵.

После прорыва Русской Армии в Северную Таврию в конце мая 1920 года, “Желбат 2” вышел на фронт уже в новом составе, лишившись своей трехдюймовки вместе с бронеплощадкой; очевидно, изменился и состав пулеметов (при неизменном их числе), т.к. в воспоминаниях В.Ю.Липеровского упоминается “Кольт”, которого в конце зимы на вспомогателе не было. Возможно, эти перемены были связаны с проведением Главкомандующим генерал-лейтенантом П.Н.Врангелем реорганизацией технических войск (изменения в материальной части бронепоездов, переименования, перетасовка команд). Однако военная необходимость — в первую очередь, неравенство сил противоборствующих сторон — привели к тому, что “Желбат 2” и в ослабленном составе использовался как легкий бронепоезд.

Интересна и судьба описанного В.Ю.Липеровским бронепоезда “Генерал Алексеев” (в тексте воспоминаний название не приводится). Легкий бронепоезд “Генерал Алексеев” имел старшинство с июля 1918 года, когда после взятия Добровольческой Армией ст. Тихорецкая был сформирован “1-ый Бронированный поезд”, впоследствии получивший шэфство М.В.Алексеева, а затем сделавший имя шефа своим названием. В составе 1-го бронепоездного дивизиона⁶ “Генерал Алексеев” сражался на

Эмблема бронепоездов Добровольческой Армии

Туапсинском направлении, под Торговой и Великокняжеской (сентябрь 1918 г.), в Каменноугольном бассейне (январь — февраль 1919 г.), на р. Котлубань (август 1919 г.), проделал тяжелое отступление конца 1919 — начала 1920 года на Северный Кавказ, неоднократно меняя боевой состав, командиров, команду, но сохраняя название и старшинство. В марте 1920 года команда бронепоезда эвакуировалась из Новороссийска в Феодосию в составе сводного пешего батальона (команды поездов “Генерал Алексеев”, “Степной” и “Единая Россия”). Стремление сохранить славное имя бронепоезда привело к тому, что в первой половине апреля на ст. Бахчисарай команде была передана материальная часть бронепоезда “Севастополец No. 3”⁷.

Нештатный легкий бронепоезд “Севастополец No. 3” работал у Чангарского моста в самые трудные дни “Слашовского” периода обороны Крыма, в начале зимы 1920 года, имея в своем составе две орудийные и одну пулеметную бронеплощадку. Слабость артиллерии (“Севастополец” был вооружен двумя 3,4-дюймовыми легкими пушками образца 1895 г., с поршневым затвором) заставили, как только для этого представилась возможность, отвести бронепоезд в Севастополь для перевооружения на 75-мм пушки Канэ⁸. Было это около 10 февраля. Перевооружение затянулось, и на фронт бронепоезд, скорее всего, так больше и не вышел, а команда за время тыловой жизни, похоже, в значительной степени утратила боевой дух. В апреле 1920 года команде “Генерала Алексеева” из состава “Севастопольца” была передана самодельная пулеметная бронеплощадка с тремя пулеметами (до отвода в тыл их было четыре) и база бронепоезда. Сам “Севастополец No. 3” считался расформированным.

В июне “Алексееву” были переданы еще две бронеплощадки с 75-мм орудиями (возможно, предназначенные для “Севастопольца”), но уже в июле они были сданы, а взамен получены “одна бронеплощадка с двумя трехдюймовыми орудиями и одна с одним трехдюймовым орудием”⁹. 3 августа “Генерал Алексеев” под командованием полковника Б.Я.Шамова вышел на фронт в распоряжение начальника бронегруппы полковника Гадда, но уже 6 августа погиб на участке, занятом Марковской дивизией. “Об этом не знали ни 1 [Марковский] полк, включая его ком[анди]ра, ни 3-й, — писал В.Е.Павлов, — во 2-м знали лишь два бат[альо]на. Так таинственно погиб поезд: ни на один из полков не ложилась ответственность за его гибель”¹⁰. Описание этого трагического события содержится, кроме книги подполковника Павлова, в публикации капитана Осипова¹¹, откуда оно почти целиком было заимствовано подпоручиком Власовым для его обобщающего труда¹². Не занимая внимания читателя еще одним пересказом и отсылая заинтересовавшихся непосредственно к первоисточникам, отметим лишь две неточности В.Ю.Липеровского, которые нужно иметь в виду при чтении его воспоминаний.

Прежде всего, гибель бронепоезда “Генерал Алексеев”, ошибочно отнесенная В.Ю.Липеровским к 10 августа, в действительности, как уже упоминалось, произошла шестого. В этом убеждает приведенная А.Осиповым оперативная сводка 1-го армейского корпуса, датированная 6 августа и подписанная командиром корпуса генерал-лейтенантом П.К.Писаревым¹³.

Неточна и информация В.Ю.Липеровского о гибели большинства команды “Генерала Алексеева” во главе с командиром бронепоезда. Пользовавшийся журналами боевых действий А.Осипов приводит следующие цифры потерь: убиты 3 офицера и 6 нижних чинов; ранены 3 офицера, 1 вольноопределяющийся и 9 солдат; попали в плен 1 офицер и 1 вольноопределяющийся¹⁴. Комброн полковник Шамов (кстати, вопреки утверждениям В.Ю.Липеровского — старый бронепоездник) вывел основную часть своей команды, в т.ч. легко раненых, к д. Бурцак, вынеся снятые с бронепоезда легкие пулеметы, орудийные затворы и панорамы. Впоследствии бронепоезд был восстановлен, в начале сентября 1920 года получив новую боевую материальную часть, и провоевал до гибели в бою 19 октября. Остатки команды были в составе Русской Армии эвакуированы в Галлиполи.

Наверное, могут вызвать возражения и некоторые другие фрагменты воспоминаний В.Ю.Липеровского — например, характеристика боевых качеств командира “Алексеева” и его команды или “бредовцев” (чинов отряда генерал-лейтенанта Н.Э.Бредова, в феврале 1920 года при отступлении перешедших польскую границу и интернированных поляками, а летом начавших через Румынию возвращаться в Крым для продолжения борьбы). Нерешенным остается пока и вопрос, какой же все-таки из поездов — “Желбат 2” (как писал А.Осипов) или “Генерал Алексеев” (по утверждению В.Ю.Липеровского), — сойдя с рельс у станции Чокрак, блокировал путь отступления другому. Окончательный ответ, наверное, смогут дать только современные событиям архивные документы.

Однако, несмотря на все это, воспоминания В.Ю.Липеровского остаются весьма информативным и ценным историческим источником. И, пожалуй, еще больший интерес представляют они как “человеческий документ” — живой и взволнованный рассказ (воспоминания печатаются по авторской рукописи с сохранением основных особенностей орфографии и пунктуации) непосредственного участника событий, вновь переживающего те дни, когда паровоз с пулеметной площадкой считался бронепоездом, а баррикада из шпал на открытой платформе — “пулеметной башней”, когда Русская Армия, напрягая последние силы, в неравной борьбе спасала честь России и бессмертную славу ее солдат.

А. КРУЧИНИН

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все даты приводятся по старому стилю.
2. Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 — 1920 годов. — Кн. 2. — Париж. 1964. — Стр. 270, 271.
3. Власов А. А. О бронепоездах Добровольческой Армии // Военная Быль. Издание Обще-Кадетского Объединения. — No. 108. Париж, 1971. — Стр. 41.
4. РГВА. Ф. 39660, оп. 1, д. 458, лл. 152, 153.
5. Там же. Л. 150.
6. Власов А. А. Список и организация бронепоездов Добровольческой и Донской Армий, 1918 — 1920 гг. // Военная Быль. No. 115. — 1972. — Стр. 39, 40.
7. См.: Осипов А. Краткий военный календарь легкого бронепоезда “Генерал Алексеев” // Вестник Первопоходника. Двухмесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий. — Лос Анжелес, 1966. — No. 55/56. — Стр. 21, 22; No. 57/58. — Стр. 16 — 19; No. 59/60. — Стр. 25 — 27; No. 61/62. — Стр. 49 — 52; 1967. — No. 67/68. — Стр. 47 — 50.

8. РГВА. Ф. 39660, оп. 1, д. 458, лл. 152, 153.
9. Осипов А. Указ. соч. // Вестник Первопоходника. — No. 61/62. — Стр. 50. Совершенно определенные указания В. Ю. Липеровского на наличие у “Генерала Алексеева” “4-дюймового английского орудия” заставляют предположить, что на вооружении бронепоезда была одна 18-фунтовая английская пушка, калибр которой (86 мм), не имевший точного аналога в русском стандарте, мог в усной речи интерпретироваться и как 3, и как 4 дюйма. (За консультацию по этому вопросу автор благодарит М. Н. Свирина).
10. Павлов В. Е. Указ. соч. — Стр. 271. С этой же штаты начинает свое повествование В. Ю. Липеровский.
11. Осипов А. Указ. соч. // Вестник Первопоходника. — No. 61/62. — Стр. 51, 52.
12. Власов А. А. О бронепоездах Добровольческой Армии // Военная Быль. — No. 111. — 1971. — Стр. 42, 43.
13. Осипов А. Указ. соч. // Вестник Первопоходника. — No. 61/62. — Стр. 52.
14. Там же. — Стр. 51.

В память Алексея и Бориса

“... Так таинственно погиб поезд: ни на один из полков не ложится ответственность за его гибель”. Так сказано на стр. 271.

А много лет спустя генерал А. Туркул мне объяснил всю операцию августа 1920 года, — а мы ее пережили тогда на месте, — там, в Северной Таврии!

Налет конницы Жлобы в июне 1920 — было серьезное испытание для нас, и наша блестящая победа — победа пехоты над кавалерией! — только на время приостановила притязания красных нас, белых, ликвидировать. Уже в августе 1920 предполагалось учинить “ликвидацию” — теперь уже в более широком масштабе и с применением военной “техники” — бронепоездов, пехоты и кавалерии... Предполагалось нас взять в клещи в треугольнике железных дорог Пологи — Токмак — Федоровка и Плавни — Пришиб — Федоровка, с выходом на Мелитополь, закрывши в “мешок” всю армию. “Канны”. Такова была диспозиция!

Тогда мы даже и предполагать не могли, — не думали, — что работа каждого из нас имеет значение! На линии Пологи — Токмак у красных было шесть бронепоездов и потрепанная кавалерия Жлобы; на линии Плавни — Пришиб — шесть бронепоездов и пехота.

Какие же силы были у нас? Бронепоезда — “Дмитрий Донской”, “Солдат”, “Георгий Победоносец” — три, штаб бронегруппы был на станции Пришиб. Эти бронепоезда обслуживали оба направления; тяжелый бронепоезд “Москва” стоял на ст. Мелитополь (2 орудия 6-дюймовые “Кане”).

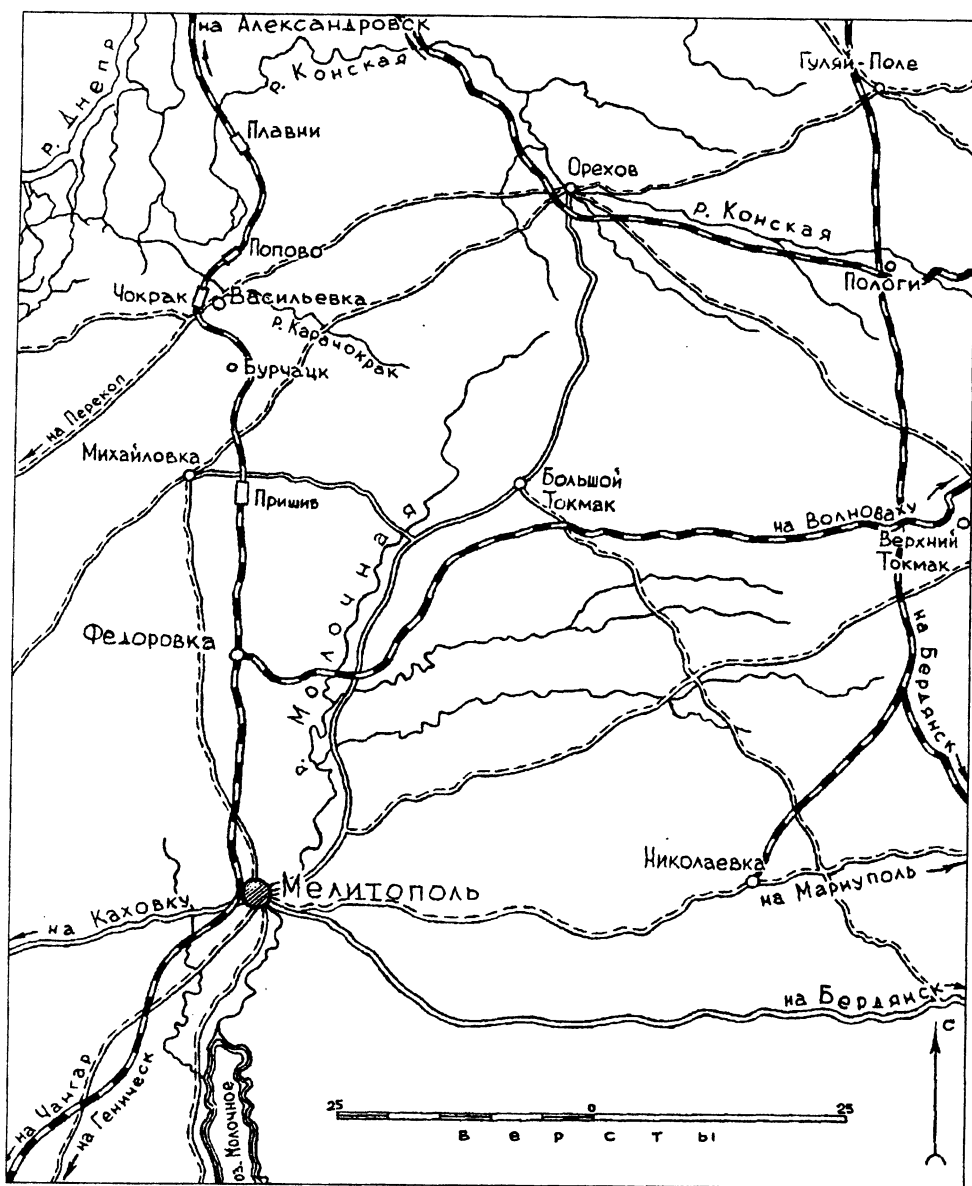
В распоряжении бронегруппы находился также боевой состав железнодорожного батальона, так называемый броневспомогатель “Жел-Бат. 2”, который с начала наступления из Крыма работал на передовой как легкий бронепоезд, а команда вспомогателя оставалась на базе. Боевой состав “Жел-Бат. 2” был 12 человек при 9 пулеметах (8 в бронеплощадке и 1 на “башне” из шпал на открытой платформе). Состав был таков: две платформы

контрольные — на одной из которых* была “башня”, — бронеплощадка, паровоз типа “Эх” без тендера (с нашим машинистом), затем товарный вагон, груженный солью, товарный вагон со взрывчаткой и две контрольные платформы задние. Состав принадлежал второй роте железнодорожного батальона. “Жел-Бат. 2” всю зимнюю кампанию “крымского сидения” провел на дежурстве у Сивашского моста, восстановил мост, подняв из шпал клетки-опоры для полотна, работал на постройке ветки Таганаш — Юшунь — Перекоп; ходил на Арабатскую Стрелку походным порядком на оборону при прорыве; ходил против “зеленых” на Курман-Кемельчи (восстание кап. Орлова). Также начал наступление из Крыма через восстановленный мост — первым прошел штаб ген. Слащова, затем “Жел-Бат. 2” и бронепоезд “Волк”. На станции Чонгар (за мостом) команда второй роты была сменена командой третьей роты, которая и ушла вперед. А нам был приказ — “на отдых”, на черный ремонт новой дороги на Юшунь, стоянка — ст. Богемка. Из-под Орла, через Харьков, Крым — Чонгар и Богемка — таков наш путь! “На отдыхе” пробыли недели две и в начале июня снова пришли на “Жел-Бат. 2” как первая смена; вторая была команда третьей роты. Командиром был пор. Окишев, его помощником юнкер Ковалев. На позиции — как легкий бронепоезд, впереди. А база наша и ремонтная команда — на ст. Пришиб.

В. Ю. Липеровский.
Константинополь,
январь 1921

* В рукописи — “на которой”.

Район действий бронепоезда "Генерал Алексеев" и броневспомогателя "Желбат 2" в августе 1920 года.

Работали вместе с тремя вышепоименованными бронепоездами: обычно два поочередно обслуживали нашу линию, а один ходил на линию Токмак — Пологи.

На позиции стояли три дня, на рассвете наша база приходила на ст. Чокрак, была смена команды. Позиция была в то время у моста через речку Карачокрак, а ходили мы и на Плавни, и к мосту (был взорван) реки Конская, ст. Янчокрак — в тылу у красных.

Обычно стреляли по долине на опушку леса. Слева на скале был наблюдательный пункт Марковской артиллерии. Вправо — село Васильевка, а вперед — бесконечные днепровские плавни. Полотно дороги делало крутой поворот направо под скалой, обходя плавни, потом налево и выходило на ст. Плавни. Ночью с 6-го на 7-ое августа был принят приказ: в распоряжение 3-й роты прислать 2-х подрывников. "Срочно!"

— "Есть, срочно!" — Два унтер-офицера из добровольцев получили распоряжение командира отправляться при смене на базу и дальше по назначению.

"А я сам выйду на вашей "башне", — добавил командир.

В третьей роте явились дежурному офицеру и с ним пришли к командиру роты.

"Красные бронепоезда вечерами откатываются на ст. Пологи. Ваша задача взорвать кривую, что в глубокой выемке, перед входными стрелками станции. Операция должна быть проведена этой ночью. Во главе операции капитан Симонов. Желаю успеха!" — Откозыряли и вышли. Нашли кап. Симонова — он только что прибыл в батальон, он бредовец из Польши; он даже еще не был обмундирован — было жаль смотреть на его "фланелевое обмундирование". Он был в вагоне, где три солдата приготавливали 48 пакетов пироксилина, эти солдаты будут нам помогать.

Много энтузиазма у капитана не было, а поскольку до вечера еще было время, то мы тут же на нарах в вагоне примостились переписать. Пакеты были готовы; сопровождающие ушли — вернутся вместе с паровозом ночью. Мы подкрепились

тем, что наш "кок" приготовил на дорогу — и пару часов проспали... Проснулись, когда подошел паровоз. Машинист не военный, но толковый, знающий трассу. Выкатил большой скоростью нас на пол-пути — когда капитан [по]просил его здесь оставить...

"Мы, бредовцы, отвыкли от войны. Вижу, что вы, братцы, без меня справитесь! Только меня подберите!" — нам было странно слышать это, но время было — не для разговоров.

"А теперь к выемке, но без дыма!" Потихоньку мы покатали дальше. Выемка глубокая, никто нас не видит снаружи; солдаты по обочине или в канаве нам быстро подносят пакеты, зарываем их под стыки рельс, шнур торчит наружу. Все ниже становятся скаты выемки, там впереди уже видна площадь станции, слышны голоса, полотно вышло на прямую. Только небо

искрится звездами. Заложили по последнему заряду, отправили сопровождающих солдат, получивши от них уже зажженные папиросы, еще выждали минут пять, и теперь каждый бежим у своей рельсы и поджигаем папиросой бикфордов шнур. Я некурящий, в этом напряженном беге — задыхаюсь от дыма. Только вскочили в вагон, как пошло рвать — разворотило полотно. Мы быстро уходили назад...

Подобрали беднягу капитана и благополучно приехали на Токмак. И командир роты, и дежурный офицер нас ждали. Командир поблагодарил нас: “Ну и молодцы! А теперь спать!” — Там же в вагоне и спали мы.

Рано утром со всякой оказией стремились поскорее на нашу базу в Пришиб, главное — добраться до Федоровки, а на нашей линии всегда движение. Всюду мы нашли содействие — так, с Федоровки мы шли на паровозе “ОВ”. Грязно. На полустанке Плодородие, к нашему полному недоумению, нагнали неизвестный нам бронепоезд: снаружи вид непрезентабельный, покраска старая, серая — проглядывает надпись “Севастополь”, — но две бронеплощадки, два орудия 3 дюйм. в башнях на передней, паровоз бронированный, и за ним другая площадка с англ. орудием 4 дюйма в башне. Значит, площадка старая, теперь к этим “союзническим” орудиям доверия не было, они быстро заклиниваются, а на бронепоезде такой кардинальный дефект недопустим. Конечно, бронепоезд пойдет раньше нашего паровоза, решили переселиться туда. Явились командиру — пожилой полковник. Разрешение получили, но — не только мы! — а также две женщины! А мы на фронте суеверны — на бронепоезд нет входа женщине! — будет гроб! Но оказались сестры милосердия, едут в Марковскую дивизию.

Полковник интересовался положением, и мы видели, что он никогда на бронепоездах не служил, и тем более команда — все сплошь из гимназистов. Бронепоезд стоял на охране Севастопольского узла, а теперь его прислали на передовую позицию, так как все наши бронепоезда были подбиты и отошли на ремонт в мастерские в Мелитополь — эту весть нам поведал наш офицер — комендант станции. К полудню 9-го мы были в своей базе, пообедали — три блюда: это наш запас соли нас обеспечивал снабжением чем угодно! Командиру бронегруппы доложили о произведенной операции, он предложил тот же доклад сделать генералу Туркулу в штабе Дроздовской див. Тут была целая аудитория, и наша работа была одобрена, и особенно лично ген. Туркулом.

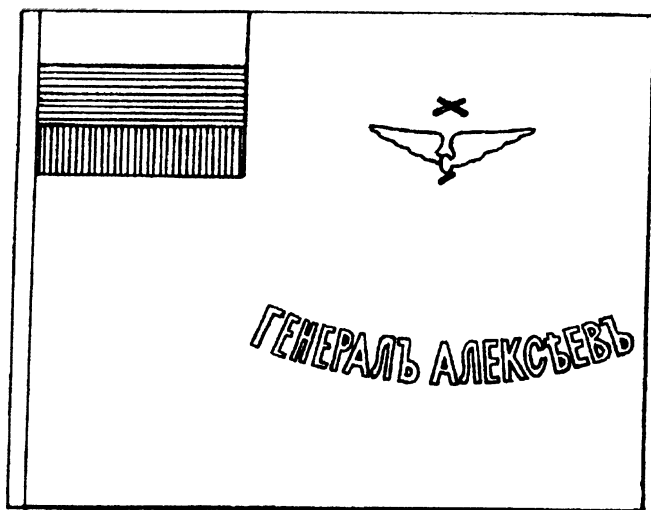
Общее положение было очень серьезное. Были замечены ночью какие-то передвижения красных. Наша ремонтная команда имела много работы — грузили два подбитые танка на платформы для отправки в тыл. Нехорошо! “Жел-Бат. 2” стоял на позиции одиноко сам, и почему-то вне очереди была впереди наша смена, наш командир был с нею. Все это были показатели плохие.

Остаток дня провели на базе, прекрасно спали в своих койках. А рано утром поезд-база пошел на ст. Чокрак, заступала вторая смена. Наш “Жел-Бат. 2” не

заставил себя долго ждать. Встретились с командиром, рассказали все, как было; видно было, что он очень утомлен, говорит, что “самый лучший наблюдательный пункт — ваша башня”. — “Всю ночь не спал, какое-то движение было у красных. Вы оба отдохнули — не хотели бы выйти со второй сменой, я был бы более спокоен, и какая помощь Ковалеву”. — “Есть, выезжаем со второй!” — И юнкер Ковалев был очень рад, что мы идем с ним. Командир ушел на базу, редко он бывал такой замученный. Тут неожиданность: подходит к юнкеру Ковалеву, как старшему, смена, восемь явно пленных — “Так что, к вам в пополнение посланы!” — Мы посмотрели на эту братву: куда же их девать, элемент не верный! Засадили их под наш накат башни, покуда что могут там спать. Но один из них отделился. — “Здравия желаю, — откозырял молодцевато, — я каппелевец, уральский казак, отец войсковой старшина Уральского войска, — красными взят в плен под Иркутском после “Ледяного похода ген. Каппеля”, и послали нас на фронт, чтобы добить Врангеля. А я счастлив, что наконец попал к вам, опять к своим!” — Это другое дело, Борису дана была винтовка и посажен был в площадку на тяжелый пулемет. Полное доверие!

Покатили вниз потихоньку, солнце поднималось. Связались с наблюдателем артиллерии, что на скале. Говорит — “Вижу на ст. Плавни два бронепоезда красных и дальше на перегоне еще два стоят, судя по дымам, под вербами спрятались!” — Совсем близко от нас! За поворотом. Полная тишина! и мы не нарушаем. Около десяти утра телефон — командир новоприбывшего бронепоезда сообщил, что он принял боевой участок, предлагает нам прибыть на ст. Чокрак после одиннадцати утра. Есть! Никогда нас никто днем не снимал с позиции! Но приказ есть приказ! Это есть отступление! Почему? Понемногу откатываем, как бы маневрируя. Прошли Попово, тишина. Подошли к входным стрелкам, дали нам путь вправо, а видим, что на прямой стоит бронепоезд — прямая всегда должна быть чистой! — это правило! Втянулись на станцию и стали немного не доходя бронепоезд[а], чтобы иметь поле зрения на сторону станции. Юнкер Ковалев пошел являться к командиру и дать информацию. И нет его и нет! За станцией на пологую горку идет поле, и там лесок — знаем, что лесок на отрогах балки, которая затем выходит к мосту [через] Карачокрак. Прибежал Ковалев, расстроенный, — сказал, что в лесу полно красных, что они утром обстреляли нашу базу, она ушла полным ходом. Что он должен вернуться на бронепоезд, им надо помогать, — в случае чего, нам открыть огонь по полю и в лес. Дал распоряжения в площадке; когда он возвращался к бронепоезду — по нам открыли огонь с опушки леса. Бронепоезд стал туда швырять из английского орудия шрапнелью и стал немного маневрировать, иногда нас заслонял, площадка наша умолкала, но с “башни” было видно превосходно и задержек не было — но мы положительно глохли, так звонко что-то трещало резким металлическим звуком. Трехдюймовки били хорошо и явно

¹Так в рукописи.

Стяг легкого бронепоезда "Генерал Алексеев"
(погиб вместе с бронепоездом 19 октября 1920 года)

не давали расширяться атаке — была попытка, когда замолкла "англичанка", но мы тогда косили страшно всеми пятью пулеметами. Бронепоезд куда-то "сманеврировал" на юг и не возвращался.

Прибежал Ковалев — приказ командира: "В 12 часов оставить поезда, бронепоезд сидит на шпалах на выходных стрелках", — потому и мы не можем выйти отсюда. Серая масса сползает по полю, не разберешь отдельных людей, сплошная стена, мы продолжаем огонь — покуда юнкер дает распоряжения в площадке и на паровозе. Видим, машинист выскочил и прыгает под откос — ведь он на костыле — у него нет одной ноги! Ковалев прибежал к нам, он весь в копоти — он работал у английского орудия, — досказывает нам, что "полковник ничего не хочет принять, что ему советуешь", — "он своих увлекает идти с ним в Васильевку — все погибнут — там красные!"

Время неумолимо — двенадцать! Все высасываем на полотне и дальше вниз в долину — тишина! Красные должны перетащить свои пулеметы вниз, и это наш выигрыш времени. Но нам предстоит теперь подниматься по противоположному склону оврага, чтобы выйти в поля. Но нас только пять — где же остальные, не видим их!? Уже с полотна бьют пулеметы, — но наши будут молчать, они без замков, все попрятанно. Все очереди ложатся под нами, вздымая пыль, а когда пред тобою, так хочется перепрыгнуть эту грядку. Задыхаемся, но вершина близко. Кукуруза, — почти без сил падаем на землю. Отдышались немного — кто же здесь? Нас трое, где Ковалев — вон там, немного правее нас, туда! — он тяжело ранен, не может подняться, мы вытащили его глубже в кукурузу, и тут нашелся третий из второй смены — и больше никого! Алексей, Владимир; Борис — новоприбывший; один — не знаю имени, — и умирающий юнкер Ковалев. Это все, что вышли на другую сторону долины. Слышны кони, видим, что это красные. У каждого мелькнуло в голове: по коннице — с колена залпом! "С колена

— пли!" — разезд ушел. Усталость прошла, осмотрелись — прямо на юг должна быть Михайловка — Марковцы. Мы не ошиблись — оттуда пришла подвода и разезд из штаба Марковской дивизии. Нас водворили в сарай с соломой — "до дальнейшего распоряжения ген. Писарева будете оставаться здесь", — объявил нам старший разезда и закрыл ворота на засов. Как мы легли — так сразу спали! Проснулись сразу все, когда услышали, что кто-то осторожно открывает засов; ночь, тьма, но ясно видим в воротах офицера Дроздовца: "Команда бронепоезда?" — "Так точно!" — "Выматывай, ребята, отсюда быстро. Генерал вас ждет в штабе". Перенесли в телегу юнкера Ковалева и помчали нас в Пришиб, в штаб Дроздовской дивизии. Мы только диву давались — как сменялись обстоятельства вокруг нас. Винтовки на ремне, отдаем честь навстречу генералу Туркулу. Торопливо вышел, видно, что что-то хотел сказать и запнулся.

"Так вы же оба были вчера у меня, придя из-под Полог", — назвал наши фамилии.

"Так точно, ваше превосходительство".

"И это все?" — уже совсем другим голосом спросил генерал и продолжал: — "Да, я знаю. Но сейчас нет времени на разговоры. Сейчас мотайте, братцы, к своему командиру — и вытаскивайте ваши поезда. Счастливо!" — "Есть!"

С искренней радостью встретили нас на базе. Поручик Окишев нас обоих расцеловал — ведь он нам предложил выехать вне очереди со второй сменой. Приготовления ремонтного поезда уже почти закончены, еще до восхода солнца мы ушли с Пришиба. И оказалось, что здесь все стало более подробно известно уже ночью. Как? — Это все невероятные обстоятельства! Юнкер Ковалев дал последние распоряжения по поезду, и мы видели, что наш машинист Митя, одноногий, с костылем, выскочил с паровоза и попрыгал на своей одной ноге по склону вниз в долину. Но что дальше, куда [он] может уйти? И тут он увидел под насыпью громадную трубу для вывода дождевой воды с другой стороны полотна сюда в долину, диаметром больше роста человеческого. Он туда и сиганул, темно и снаружи внутрь ничего не видно, а изнутри наружу видел всю нашу драму. Там просидел до вечера, и в темноте добрался на ст. Бурчацк. Там, конечно, к коменданту — немедленно дали провод на базу, он же и в штаб ген. Туркула, — так что Митя поднял тревогу повсюду. А ген. Туркул для верности телефонировал пор. Окишеву — "Приказал моей разведке выкрасть остаток вашей команды из штаба ген. Писарева". И на станции Бурчацк нас ждал сам Митя — "Я был уверен, что вы придете сейчас же сюда!" — И с нами пошел на ст. Чокрак.

И был страшный момент — когда Митя с дрожью в голосе произнес — "Вот тут влево в долинке наши семеро лежат, были переранены, их всех добились!"

Вся команда стояла "смирно!", отдавая честь погибшим друзьям. И Митя продолжал рассказывать — "Как приказал юнкер Ковалев всей нашей команде —

куда с “башни” пойдут, туда направляться всем, — и так добежали до другой стороны долины, и верно испугались, что высоко надо бежать наверх, и семеро повернули влево по долине, их обстреливали с полотно и всех переранили. Потом мимо трубы проскакал разезд туда, где наши лежали, и всех перебили. Разезд ушел наверх в поле, оттуда сверху была ружейная стрельба. А потом наступила полная тишина. Поплелся я на Бурчацк, и вот я опять с вами”. — Так мы подошли к входным стрелкам: конечно, сейчас же смотреть, как “сидит” бронеплощадка с “англичанкой”. Было совершенно ясно: когда “новый” бронепоезд вошел на станцию, то позади его кто-то умеючи, еще в темноте, быть может, повытащил костыли у крестовины входной стрелки. Когда бронепоезд маневрировал, то контрольные площадки прошли крестовину, а тяжелая бронеплощадка села на шпалы, дубовые шпалы выдержали, а крестовина была отсунута. Завели мощный домкрат и подняли запавшую тележку, поставили крестовину на место, “зашили” — и дополнительным боковым движением домкрата тележку поставили на место. Но... машинист бронепоезда оставил свой паровоз под парами, так что красные увели трофейную половину бронепоезда под своими парами! А наш поезд остался целешенек: машинист Митя, уходя, заклинил кулису, т.е. приспособление для хода вперед-назад, и притушил топку. А покуда команда работала с подъемом площадки — наш Митя уже “раздувал” свой паровоз, к полудню все было готово. Наша первая смена привела в порядок пулеметы, даже наш “колт” на башне был в порядке; уходя, мы с большим трудом выкрутили горячий ствол и спрятали между шпалами. И тут обнаружили, что нас глушило пронзительным звуком: снаружи шпалы, куда упиралась тренога колта, была двутавровая балка — она оказалась сплошь забитой остатками пуль. Когда стреляешь вниз — немного возьми наверх! — этого, видимо, советские пулеметчики не знали, а мы потому остались живы. Слава Богу!

¹ Так в рукописи.

Парой маневров Митя перевел пострадавшую площадку позади нашего поезда. После погребения наших погибших там же в долинке — наш “Жел-Бат. 2” пошел на Пришиб. Нас приняли на путь у станции — на платформе стоял ген. Туркул со штабом; наша команда во главе с командиром во фронт “смирно!”; на “башне” нас было трое — с нами был Борис.

“Спасибо за службу, молодцы”.

“Рады стараться, ваш-дит-ство!” — грянули дружно.

Ген. Туркул благодарил пор. Окишева и подчеркнул — “когда будет бумажная канитель с наградами вашим молодцам, полагаю, моя рецензия не помешает!”

* * *

Команда бронепоезда погибла почти поголовно, все с командиром. Спаслись те, кто послушался юнкера Ковалева: “пройдя станцию, уходить в лес!”. Часть команды пошла так и вышла на Марковскую пехоту.

* * *

“Канны” не удалась — одно крыло не двинулось — Пологи; а другое двинулось, не зная, что первое стоит!

Практически все три дивизии — Корниловская, Дроздовская и Марковская — были на позиции в треугольнике Пологи — Токмак — Плавни.

Каким же образом на ст. Чокрак прошло незамеченными три полка советской пехоты? А они пришли со стороны ст. Орехов — Пологи пешим порядком!

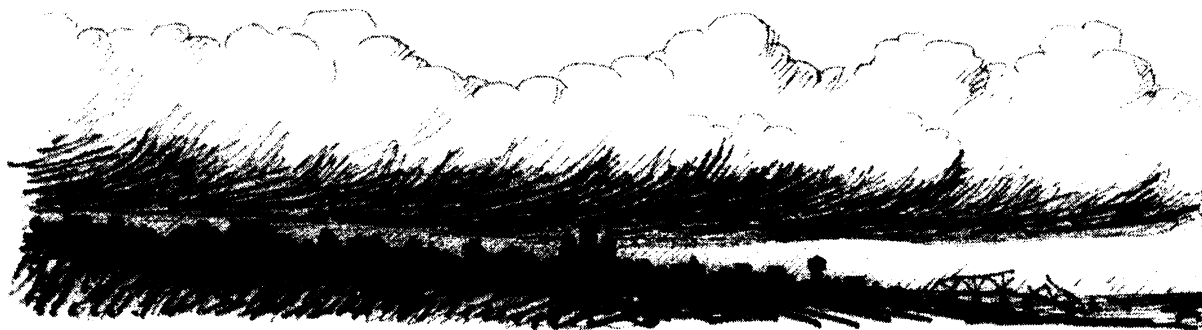
Армия была спасена от серьезного испытания, но — увы! только до октября 1920 года.

На поставленный вопрос нет ответа по сей день! Теперь и нет тех, кто имел возможность объяснить этот вопрос по существу, дельно.

Мы потеряли восемь добровольцев убитыми, бронепоезд почти всю команду, красные своих убитых с того поля увозили телегами и хоронили в Карачокракской балке в ту же ночь. И ушли красные так же, как и пришли! В течение одной ночи! И никто не видел их!..

10. VIII. 1920 —
20. X. 1984

Непосредственно переживший
весь этот эпизод войны
Владимир Липеровский,
“Жел-Бат. 2”

ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А.П.АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Алексей Петрович Архангельский родился 5 марта 1872 г. (все даты по 2 ноября 1920 г. указаны по старому стилю). Потомственный дворянин, Православного вероисповедания. По окончании 2-го Московского Кадетского Корпуса он вступил в военную службу юнкером рядового звания 3-го Военного Александровского Училища (1 сентября 1890 г.). Из училища был выпущен подпоручиком Лейб-Гвардии в Волынский полк (со старшинством с 4 августа 1892 г.). В Волынском полку он прослужил до поступления в Николаевскую Академию Генерального Штаба, которую окончил в 1898 г. по первому разряду. Цензовое командование ротой он проходил Лейб-Гвардии в Егерском полку, а батальоном — в 5-ом гренадерском Киевском полку. 24 января 1899 г. Генерального Штаба капитан Архангельский был назначен старшим адъютантом Штаба 18-ой пехотной дивизии и находился на этой должности почти полтора года, после чего был назначен (22 мая 1900 г.) старшим адъютантом Штаба VI-го армейского корпуса (в том же приграничном Варшавском Военном Округе). С 28 сентября 1901 г. вся служба А.П.Архангельского проходила по Главному Штабу, в котором он занимал должности делопроизводителя, столоначальника, начальника отделения, а с 19 сентября 1910 г. — помощника Дежурного Генерала Главного Штаба. За это время он был неоднократно награжден орденами, за отличия по службе был произведен в полковники (старшинство с 6 декабря 1907 г.) и в генерал-майоры (старшинство с 6 декабря 1913 г.). 24 июля 1914 г. Генерального Штаба генерал-майор Архангельский был назначен исполняющим должность Дежурного Генерала Главного Штаба и оставался на этом посту в течение всей Великой войны. По свидетельствам современников, генерал Архангельский “сумел создать в Главном Штабе атмосферу законности и беспристрастия”. В мае 1917 г. Алексей Петрович был назначен Начальником Главного Штаба, а 24 августа произведен в генерал-лейтенанты. Он имел все Российские Ордена до Ордена Св. Владимира II-ой степени включительно.

После большевицкого переворота генерал Архангельский, по договоренности с другими высшими чинами Военного Министерства, остался в Петрограде на посту Начальника Главного Штаба, чтобы “сохранить от большевицкого развала важные органы Государственного Управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства”. 25 апреля 1918 г. большевиками был создан Всероссийский Главный Штаб, а 1 июня 1918 г.

“Генерально-го Штаба А.П.Архангельский” был назначен начальником его Управления по командному составу (этот пост он занимал почти три месяца). Все это время генерал не только помогал оставшимся на территории РСФСР о ф и ц е р а м (многих из ко-

торых спас от преследований Че-Ка, предупредив о грозящих им арестах, а некоторым даже сумел помочь перейти линию фронта), — но и, поддерживая постоянную связь с командованием Добровольческой Армии, передавал “ценные и важные сведения о положении Красной Армии”, а также, “пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании”. По одной из оценок, “благодаря его стараниям, большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного числа стрелковых дивизий, которые должны были быть переброшены на Добровольческий фронт”. Своей деятельностью А.П.Архангельский навлек на себя подозрения и был отстранен от должности (27 августа назначен в распоряжение Начальника Всероссийского Главного Штаба и уже на следующий день сдал Управление по командному составу), после чего ему удается с большим трудом пробраться на Юг России. Последним днем его пребывания на службе у большевиков считалось (возможно, со слов самого генерала) 15 сентября 1918 г.

Прибыв 16 февраля 1919 г. в Екатеринодар, генерал Архангельский незамедлительно обратился к Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР) генерал-лейтенанту А.И.Деникину с настоятельным ходатайством о назначении судебного разбирательства своей службы у большевиков. 21 февраля вышел приказ об этом генерала Деникина (No. 325), а 23 февраля состоялось заседание военно-

полевого суда под председательством генерала-от-инфантерии Н.Ф.Дорошевского по обвинению генерал-лейтенанта Архангельского в преступлениях, предусмотренных статьями 100 (насильственное посягательство на изменение в России или какой-либо ее части установленного Основными Законами образа правления или отторжение от России какой-либо ее части) и 108-1 (способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях, заключающееся в предании неприятелю армии или флота, отряда, отдельной части и т.д.; по редакции приказа Добровольческой Армии от 30 июля 1918 г. No. 390 — “способствование или благоприятствование войскам или властям советской России в их военных или иных враждебных против Добровольческой Армии или союзных с ней войск действиях”) Уголовного Уложения 1913 г. (главы III-ья — “О бунте против Верховной Власти...” и IV-ая — “О государственной измене”); оба этих преступления относились к категории тяжких, и в качестве наказания за них была установлена смертная казнь. По рассмотрении дела, суд “не нашел возможным вменить в вину генерал-лейтенанту Архангельскому указанную выше его деятельность по нахождении его на службе у большевиков” и оправдал подсудимого (ранее спасенные Алексеем Петровичем офицеры вынесли его из зала суда на руках). Приговор суда был утвержден генералом Деникиным, о чем было объявлено в приказе Главнокомандующего от 7 марта 1919 г. No. 434.

После оправдания генерал Архангельский был зачислен на службу (в резерв чинов при Штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 1 марта 1919 г.). 14 мая он был назначен членом Комиссии по рассмотрению наградных представлений, а 4 июня 1919 г. — помощником начальника Общего отдела Военного Управления (с оставлением в прежней должности). Весной 1920 г. А.П.Архангельский входил в состав комиссии под председательством генерала-от-инфантерии Э.В.Экка, разработавшей Временное Положение об Ордене Святого Николая Чудотворца (утверждено Главнокомандующим ВСЮР 30 апреля 1920 г.).

После эвакуации Русской Армии из Крыма, 20 ноября 1920 г. Алексей Петрович был назначен начальником Общего отдела и Дежурным Генералом Штаба Главнокомандующего, а 14 декабря — начальником Отделения личного состава Штаглава. Он был председателем Общества Офицеров Генерального Штаба в Константинополе, а с 1927 г. — в Бельгии, и возглавлял Объединение Лейб-Гвардии Волынского полка. В 1927 — 1928 гг. он был Начальником Штаба генерала Врангеля. А.П.Архангельский сотрудничал в газете “Русский Инвалид” (бывший офицер Военного Министерства, возрожденный в эмиграции генералом-от-кавалерии Н.Н.Баратовым) и был одно время секретарем ее редакции.

Приказом Русскому Обще-Воинскому Союзу от 20 марта 1938 г. No. 16 Начальник РОВС, генерал-лейтенант Ф.Ф.Абрамов, сдал должность генералу Архан-

гельскому. 23 марта Алексей Петрович вступил в исполнение своих новых обязанностей.

Генерал Архангельский стал Начальником РОВС в чрезвычайно трудное для Союза время. Похищение большевическими агентами генерал-лейтенанта Е.К.Миллера и участие в этом героя Белой борьбы генерал-майора Н.В.Скоблина; скандал вокруг фигуры сына генерала Ф.Ф.Абрамова — Н.Ф.Абрамова, заподозренного в сотрудничестве с большевиками (обвинения не были доказаны, но не были и опровергнуты — в значительной степени этим был вызван уход генерала Абрамова с поста Начальника РОВС); назначение новым Начальником расследования деятельности “внутренней линии” РОВС и связанная с этим газетная шумиха — все эти события стали серьезными ударами по Обще-Воинскому Союзу. То, что, несмотря на все испытания, РОВС сохранил единство своих рядов и свой авторитет в среде русской эмиграции, является бесспорной заслугой Начальника Союза генерала Архангельского.

Не менее сложным оказалось и последующее десятилетие: Вторая Мировая война, оккупация, попытки создания новой русской анти-большевицкой силы и т.д. В 1944 г. большевики требовали у западных союзников выдачи генерала Архангельского, но это требование не было выполнено... Как писал в 1957 г. сам Алексей Петрович, “за годы исполнения мною обязанностей Начальника Русского Обще-Воинского Союза... произошло много мировых событий, и чинам Русского Обще-Воинского Союза пришлось пройти тяжкий путь, и сам Союз несколько раз находился в трудном положении.

Но верность долгу и заветам наших Вождей чинов Русского Обще-Воинского Союза и их постоянная мне моральная поддержка помогли преодолеть все эти трудности, и Русский Обще-Воинский Союз благополучно их пережил и сохранил свою спайку, единство и верность Белой Идее”.

12 июня 1949 г. в Париже состоялось первое заседание созданного по почину Великого Князя Андрея Владимировича Совета Российского Зарубежного Воинства, в который вошли возглавители РОВС, Корпуса Императорской Армии и Флота, Русского Корпуса и некоторых других военных и казачьих организаций. Почетным председателем Совета стал Великий Князь Андрей Владимирович, председателем — генерал-лейтенант А.П.Архангельский. Позиция Алексея Петровича как в РОВС, так и в Совете характеризовалась стремлением положить конец “разногласиям и распрям”, разделявшим русскую эмиграцию, но в то же время и непримиримостью по отношению к тем, кто запятнал себя предательством России и ее Армии (так, в связи с образованием Совета Освобождения Народов России, одним из лидеров которого был А.Ф.Керенский, Начальник РОВС в официальном заявлении подчеркнул, что “Русский Обще-Воинский Союз и все члены его не могут иметь никакого дела” с бывшим главой Временного Правительства). Лишь после просмотра Начальником РОВС и его одобрения размножались и

рассылались “только единомышленникам” статьи И.А.Ильина, публиковавшиеся под общим заголовком “Наши Задачи”. Не замыкаясь в своей работе только в узком кругу военных организаций, А.П.Архангельский возглавил основанное капитаном В.В.Ореховым (редактором журнала “Часовой”) Российское Национальное Объединение (Бельгия), а впоследствии был его почетным председателем. Деятельность генерала Архангельского привлекала к нему пристальное внимание советских спецслужб, предупреждения о чем появлялись в русской и польской эмигрантской печати.

29 июня 1955 г. генерал Архангельский, ввиду своей болезни, приказом РОВС за No. 5 предписал вступить во временное исполнение должности Начальника РОВС генерал-майору А.А.фон-Лампе, за год до этого назначенному Первым помощником Начальника РОВС (приказ от 25 марта 1954 г. No. 3). Улучшения здоровья старого генерала не наступало, и 25 января 1957 г. он официально сдал должность генералу фон-Лампе, назначив его Начальником РОВС. “...Мне совсем не легко было принять это решение, — писал А.П.Архангельский В.В.Орехову, — и оно было при-

нято только вследствие сознания долга передать свою должность другому лицу — мой возраст и нездоровье не дают мне возможности нести свои обязанности так, как это следовало (выделено А.П.Архангельским. — А.К.)”. Заслуги генерала Архангельского, возглавлявшего Обще-Воинский Союз на протяжении почти двенадцати лет, были отмечены приказом РОВС от 27 января 1957 г. No. 3, которым генерал фон-Лампе зачислял Алексея Петровича почетным членом РОВС. Письменным заявлением от 31 марта 1957 г. А.П.Архангельский сложил с себя и полномочия председателя Совета Российского Зарубежного Воинства.

Скончался Алексей Петрович Архангельский 2 ноября 1959 г. в Брюсселе (там же он был и похоронен), до конца жизни оставаясь единственным почетным членом Русского Обще-Воинского Союза, которому он отдал столько сил и энергии.

А.КРУЧИНИН

*Автор благодарит за консультации
Н.Д.Егорова и Н.Н.Рутьча-Рутченко*

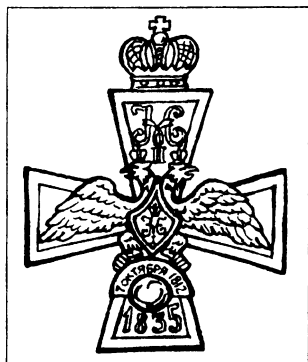
ДОКУМЕНТ ИЗ «РОССЫПИ»

РОТА КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА

К 160-летию со дня открытия Полоцкого кадетского корпуса

1835 — 1995

(старшинство с 1830 года)

Нагрудный знак
Полоцкого кадетского
корпуса

В No. 3 (132) “Военной Были” была помещена подборка материалов, посвященных памяти корнета Князя Олега Константиновича (сына Великого Князя Константина Константиновича), смертельно раненного в бою с немцами 27 сентября 1914 года и скончавшегося 29 сентября. Гибель на поле брани члена Императорской Фамилии (как мы знаем теперь, лишь первая из жертв, понесенных Домом Романовых в наступавшем лихолетье) вызвала заметный отклик в России, и, в частности, в Полоцком кадетском корпусе, который Князь Олег окончил в 1910 году. 20 ноября 1914 года директор корпуса, генерал-майор М.Г.Чигирь, писал помощнику начальника Главного Управления Военно-Учебных Заведений, генерал-лейтенанту Г.М.Яковлеву:

**“Ваше Превосходительство,
Милостливый Государь,
Григорий Михайлович!**

Примером мужества и отваги юному подрастающему поколению должен служить доблестный подвиг в Бозе почившего **ЕГО ВЫСОЧЕСТВА Князя ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА**, положившего жизнь Свою за Царя и Родину; и желательно сохранить на вечные времена среди кадет вверенного мне корпуса память об **АВГУСТЕЙШЕМ** Полочанине, честно выполнившем Свой долг перед Престолом и Отечеством.

Старшие кадеты, которые присутствовали при неоднократных продолжительных посещениях корпуса **ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ**, до настоящего времени сохраняют самую живую и благодарную память о Князе **ОЛЕГЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ**, которая поддерживалась постоянными знаками внимания **ЕГО ВЫСОЧЕСТВА** к родному корпусу и по окончании Им курса. Но — пройдут года, эти живые свидетели оставят корпус, унесут с собой свои воспоминания — и память о почившем смертью героя Князе **ОЛЕГЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ** понемногу начнет меркнуть. Во избежа-

ние этого не признано-ли будет возможным, с разрешения АВГУСТЕЙШЕГО Родителя, возбудить ходатайство о присвоении ныне-же одной из рот Полоцкого корпуса, желательно 1-й роте, имени ЕГО ВЫСОЧЕСТВА Князя ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА — АВГУСТЕЙШЕГО Полочанина. Оно объединит Полоцких кадет в их стремлении быть верными и беззаветно храбрыми слугами Государя и Родины.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном почтении и преданности, покорнейший слуга *М. Чигирь*¹.

3 декабря генерал Яковлев сделал соответствующий доклад Военному Министру, генерал-адъютанту В.А.Сухомлинову, с разрешения которого 10 декабря доложил просьбу М.Г.Чигиря Великому Князю Константину Константиновичу². Одновременно с этим, того же 10 декабря генерал Сухомлинов представил на Высочайшее имя доклад о присвоении 1-ой роте Полоцкого кадетского корпуса имени Князя Олега:

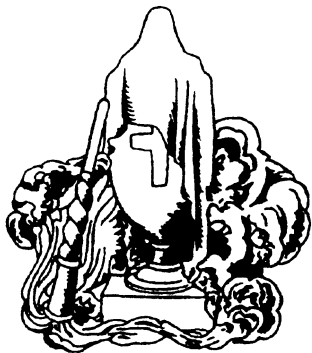
“Директор Полоцкого кадетского корпуса ходатайствует о наименовании первой роты сего корпуса “ротой ЕГО ВЫСОЧЕСТВА Князя ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА”, дабы сохранить на вечные времена среди кадет корпуса память об АВГУСТЕЙШЕМ Полочанине, прожившем жизнь Свою на поле брани за ЦАРЯ и Отечество.

Удовлетворение изложенного ходатайства признается желательным ввиду высокого воспитательного значения.

Благоугодно-ли будет ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ соизволить на удовлетворение означенного ходатайства”³.

На сохранившемся в архиве документе имеется пометка Сухомлинова: “Собственно ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано “СОГЛАСЕН”. 12 декабря 1914 года. Генерал-Адъютант Сухомлинов”⁴. Однако желание генерала Чигиря, встретившее Высочайшее одобрение, — сохранить память о подвиге Князя Олега Константиновича “на вечные времена” — так и не сбылось. Революция и последовавшее за ней “исправление” истории на долгие годы наложили запрет на все, что касалось связи Императорской Фамилии с Русской Армией.

В. ШАБАНОВ

Августейший Полочанин. 1907.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. ф. 725. оп. 48. д. 1029. лл. 1 и об.
2. Там же (см. пометку Г.М.Яковлева на письме М.Г.Чигиря).
3. Там же. л. 5.
4. Там же.

Князь Олег Константинович на смертном одре.
Вильно, 29 — 30 сентября 1914.

ДЕНИКИН И ВРАНГЕЛЬ

Окончание. Начало в No. 5 (134)

— Итак, начальник должен быть герой. Тогда он заслуживает наново погоны. Кроме того, он должен твердо помнить, если он отдал приказание, и приказание не исполнено, он уже не офицер. На нем офицерских погон уже больше нет... Поэтому я десять раз подумаю, прежде [чем] отдам приказание. Надо понимать, что такое дисциплина. Она должна войти в плоть и в кровь. Мы, Врангели, насквозь военные... В моем роду было пять фельдмаршалов и три адмирала.

* * *

В молодости Петр Николаевич много кутил. Жена его, Ольга Михайловна, очень умная женщина, рассказывала:

— Я никогда его не упрекала... Это только разделило бы нас... Он стал бы жалеть, что женился. Я действовала иначе. Как-то утром он возвращался в восемь утра, я сижу за кофе и подаю ему.

— Зачем ты так рано встала?

— Нет, я не вставала рано.

— Так как же? Сейчас восемь часов.

— Да, восемь... Но я не ложилась...

— Что же ты делала?

— Поджидала тебя!

Какое безобразие!

На следующий день он пришел на час раньше. А потом еще раньше. И, наконец, перестал уходить вечером. И разучился кутить...

Ольга Михайловна очень увлекалась так называемым "блюдечком". Берется большой лист бумаги, рисует большой круг и на нем располагается алфавит. Затем берется обыкновенное чайное блюдечко, переворачивается и чернилом наносится метинка. Три раза кладут на блюдечко, кажется, два пальца и держат руки на весу. Нередко из этого ничего не выходит. Блюдечко стоит, как мертвое... Или же дамы мошенничают, блюдечко начинает кружиться, останавливается метинкой у букв, и говорит какие-то бессмысленные слова.

Надо иметь терпение. Дам мошенничающих удаляют и заменяют честными. Принимают другие меры предосторожности. Завязывают глаза так, чтобы они не видели, какие буквы собирает метинка... Наконец, задают вопросы блюдечку мысленно, так что, кроме мыслителя, никто ничего не знает. Если при всех этих условиях блюдечко говорит разумные слова, надо относиться к ним с известным вниманием, чтобы не сказать, уважением.

Я лично никогда не клал пальцев на блюдечко. Почему? Потому что под моей рукой оно не пойдет,

что было испробовано не раз. А потому я избрал себе роль записывателя.

Врангель никакого уважения к блюдечку не чувствовал. На все упрощения жены отвечал неизменно:

— Оставьте меня в покое! Все это вздор.

И продолжал читать какую-нибудь книгу или журнал.

Но однажды он согласился:

— Ну, хорошо.

Бросил журнал и стал за мной, чтобы читать, что я буду записывать. Блюдечко сразу бросилось в ход, закружилось по листу, и метинка указывала буквы. Я записывал и сразу огорчился:

— Чушь пишет!

Но вдруг слышу надо мной голос Врангеля:

— Ах, чорт его поберит!

Я:

— Чепуха, Петр Николаевич!

Он:

— Нет, не чепуха! Я, когда читал журнал, иностранный, вычитал там новое техническое слово, которое кажется чепухой, а оно совершенно разумно. И вот это блюдечко его воспроизвело.

Ольга Михайловна торжествовала.

* * *

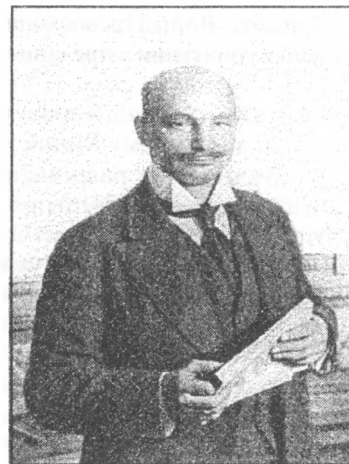
Очень трудно объяснить этот случай. Я предполагаю такое объяснение: Врангель обладал неким даром гипнотизма. Иногда он спорил со мной и приводил разумные доводы ума. Но вместе с тем, одновременно, его стальные глаза давят меня, что-то внушая...

Он бессознательно внушал мне прочитанное в журнале слово. Я его записал... Но ведь дамы-то с завязанными глазами... Это ведь они толкали блюдечко. Они, значит, тоже были загипнотизированы... Но загипнотизированы так, что, не видя алфавита, гонят блюдечко туда, куда надо.

Уж очень сложно!

* * *

Во время гражданской войны Врангель не кутил. Но

В.В.Шульгин в дни
Февральского переворота
С фотографии К.Буллы, 1917.

когда другие веселились, он иногда плясал лезгинку, причем ему все время стреляли из револьвера под ноги. Это тоже было искусственное геройство.

Обращаясь к выстроенным частям, он не говорил им “братцы”, или “ребята”, а здоровался так:

— Орлы!

И солдаты, быть может, чувствовали некоторый подъем душевный... от такого обращения.

Сверх того, Врангель до поры до времени был удачлив. Сто один выпел вышел при врангелевской эвакуации. Корабли были переполнены. Если бы плохая погода, половина погибла бы... Но море было гладко. И все дошли благополучно. Эвакуация была подготовлена давно... под видом десанта на Кубань... Врангель отдал приказ соответствующий, когда, будучи на фронте, он получил телеграмму, что Польша заключила перемирие с Москвой...

Управлять значит предвидеть.

Барон П.Н.Врангель в форме Лейб-Гвардии Конного полка. Портрет работы С.Обрезкова, начало 1930-ых гг.(?)

Вот, знаете, в Константинополе, точнее на Босфоре, Врангель жил на яхте “Лукулл”, принадлежавшей Царскому правительству и числившейся в числе дипломатических корабликов. “Лукулл” стоял у берега на якорях. В один прекрасный день большой итальянский корабль ни с того, ни с сего свернул с пролива, имеющего ширину несколько километров, навалился всей своей громадой на “Лукулл” и потопил его. Все спаслись. Но вещи погибли, и одна молодая дама послала своего мужа спасти хоть что-нибудь. Он бросился в воду, ничего не спас, но сам утонул.

Врангель переселился в здание русского посольства на Рю-э-Пера. Конечно, он жил там с семьей, с Ольгой Михайловной. Однажды она спускалась по лестнице, а навстречу ей поднималась другая дама, ей незнакомая. На площадке обе дамы сошлись, и другая дама, поклонившись и улыбнувшись, сказала:

— Сыночек.

Ольга Михайловна рассказывала мне, что даже ее муж не знал, что она беременна. А предсказательница была дипломатическая дама по фамилии Тухолка. Известная своим некоторым ясновидением.

Этот сыночек родился благополучно. Это был младший сын Врангеля. Немножко подросток. И ревновал мать ко мне. И говорил смешно:

— Ты опять уйдешь с Шульгином?

Но чаще с Шульгином уходил его отец. И мы с ним гуляли. Мне приходилось плохо, трудно. Очень высокий, он делал гигантские шаги, я должен был поспешить. Но беседовали мы довольно интересно. Все это происходило в Сремских Карловцах. Он говорил, между прочим, что есть только два интересных занятия: война и охота. Впрочем, я знал, что когда он стал диктатором в Крыму, то его интересовала и политика. Что тоже вид войны в своем роде. Он был подготовлен к войне, между прочим, потому, что был европеец и держался на равной ноге с французами и англичанами.

В один прекрасный день французы объявили, что им надоело кормить консервами врангелевское войско, находившееся в Галлиполи. Врангель знал, что французы не знают, что делать с этими консервами, а потому никаких расходов не терпят. Он ответил:

— Хорошо, но мои подчиненные начнут голодать. Но они не будут голодать, они вооружены.

— Генерал, мы можем арестовать Вас.

— Можете. Но Кутепов очень решительный человек. Узнав, что Вы меня арестовали, и узнав, за что, Кутепов поведет своих солдат освобождать меня и добывать консервы. Конечно, Вы можете из двенадцатидюймовых пушек с броненосцев остановить нашествие Кутепова, но это не прибавит Вам славы, если Вы разгромите людей, которые были Вашими верными союзниками.

Так на этом дело и кончилось. Консервы продолжали давать, пока, наконец, галлиполийские войска сами ушли в Сербию и Болгарию.

У Врангеля, или, быть может, у его жены, богатой женщины, была вилла под Брюсселем. Туда Врангель переселился после пребывания некоторое время в Югославии. Там он в конце концов заболел.

Заболел он очень серьезно. Вызвали профессора Алексинского, с которым я потом говорил. В положении Врангеля наступило внезапное и ничем не объяснимое ухудшение, причем он страшно кричал. Алексинский допускал, что ему дали отравленный черный кофе. Отравленный особым ядом: теми же бактериями, которыми он болел. При вскрытии ничего не было обнаружено. Кто мог это сделать? У Врангеля был прежний, очень верный ему денщик. К этому денщику приехал из Советской России его родственник, по профессии фельдшер. Предполагали, что именно этот фельдшер приготовил отравленный кофе.

Но семья Врангеля, его жена и мать, отрицали возможность этого. Так Врангель и умер. (Мать его была, кажется, баронесса Корф. Отец его был не военный).

А Юсупов дал интервью какой-то газете, говоря, что Врангель умер от огорчения.

Барон П.Н.Врангель. Портрет работы Д.Бенкендорфа. 1916 (?)

русской церкви. Крест из черного мрамора с надписью: "П.Н.Врангель".

Похороны были необычайно торжественны. Через весь Белград тянулись катаfalки с венками.

Так он умер. Придет ли он еще когда-нибудь в качестве "аватара", кто знает?

У него было четверо детей, две девочки, два мальчика. Старшая вышла замуж за какого-то богатого американца, вторая, если не ошибаюсь, стала художницей... Старший мальчик на каком-то модном пляже спас двух погибавших, мужа и жену. Никто не шевельнулся, чтобы подать им помощь. Король Бельгийский наградил его золотой медалью. О младшем мальчике ничего не знаю.

Врангели была международная семья. В Берлине стоит памятник Врангелю. Они иногда съезжались на военный совет Врангелей. В Полтавском бою (Брокгауз и Ефрон) на стороне шведского короля Карла XII погибло семнадцать Врангелей. Часть была взята в плен и обрусела.

Первые Врангели высадились на Балтийский берег в XII веке. В общем, они были истинные варяги. Такие же, как Рюрик.

Он, Врангель, часто говорил, что не занимается булавочными уколами, т.е. без денег немыслима борьба с Советами. Но он узнал, что получил большие деньги от англичан, затем будто бы войдут капиталы, имевшиеся за границей у Царской Семьи, что сомнительно, таких капиталов как будто бы нет, и юсуповские сбережения, словом, крупная сумма, --- в полное бесконтрольное распоряжение Врангеля. Об этом узнал и Гучков. Он говорил мне об этом. И вдруг все сорвалось. Это так огорчило Врангеля, что, больного, довело его до смерти.

Его тело перевезли в Югославию, в Белград, и похоронили в

Ко мне Врангель Петр Николаевич в общем относился хорошо, но несколько насмешливо. Он говорил так:

— Шульгин такой человек. Вот, например, лежит кошка. Лежит себе спокойно. Так Шульгин непременно подойдет и станет ее дразнить.

Я не обижен. Но, ей-Богу, таких талантов за собой не знаю. Кошек очень люблю, и они меня тоже. И вообще я человек мирный, не задорный. Дерусь только тогда, когда иначе невозможно. Не знаю, почему Врангель это выдумал...

К своим "Запискам" Врангель относился довольно странно. Как бы в извинение их несовершенства, он мне сказал:

— Я не умею описывать природу.

Зачем было ему уметь описывать природу! Вряд ли он ее даже замечал, эту самую природу...

Однажды я имел с Врангелем интересный разговор... В Париже... Я говорил:

— Что будет, конечно, никто не знает. Возобновится ли еще раз борьба с Советами... кто это может предсказать? Но на этот случай... мы должны же представлять себе, за что мы снова воюем!

Врангель ответил довольно неожиданно:

— Да, должны. Но должен знать только тот, кто эту борьбу будет возглавлять. Он должен скрывать свою программу до тех пор, пока действительно станет во главе России. Если она станет известна раньше, то подвергнется критике со всех сторон, и ее развенчают. Всякую программу можно раскритиковать в пух и прах. Она должна стать известной с той минуты, как начнет проводиться в жизнь. Она должна быть неожиданной и свежей, так я думаю...

И я не стал ему возражать, ибо это бесполезно. Разумеется, он думал о себе, когда говорил о "том, кто возглавит Россию". Программа, может быть, уже у него была... А может быть, и нет... Ведь времена меняются, и программа должна была соответствовать изменившимся взглядам.

Кроме Врангеля, я не видел лица, о котором можно бы было хотя бы мечтать, что он сбросит большевиков и возглавит Россию. И потому я об этой программе хотя и продолжал думать, но молча, про себя.

Он говорил:

— Я политикой не занимаюсь. Этим занимается Великий Князь Николай Николаевич.

А у Николая Николаевича была программа, которая и была, соответственно, программа, которую ставил себе "Трест" на случай удачи.

Относительно отношения Врангеля к Николаю Николаевичу... Это довольно остро... но можно сказать... Он говорил об этом только очень близким лицам, потому что оно (отношение) было отрицательное.

Он говорил, примерно, так:

— Думают, что Великий Князь Николай Николаевич был человек сильной воли... Но это не так. На престоле он был бы Николай Третий. Он, Великий Князь Николай Николаевич, мог быть резок и даже груб. Он мог ударить хлыстом трубача, подавшего неправильный сигнал... Мог оборвать того или иного офицера... Но в решительную минуту он проявил слабость. С Кавказского фронта, которым он командовал во время февральской революции, он уехал, чтобы принять главное командование над всем фронтом — пост, который он уже занимал раньше, до того, как Государь занял его лично. На дороге его, Великого Князя Николая Николаевича, перехватили двое министров Временного Правительства (не помню, кто именно. — *В.Ш.*). Они убеждали его, что лицо, принадлежащее к династии Романовых, в настоящее время не может быть Главнокомандующим армией. И убедили.

Я спросил:

— А как надо было поступить?

— Надо было послать к чорту этих двух министров, приехать в Ставку, стать во главе кавалерии, которая сохранилась... не была разложена... и навести порядок.

Это то, что я слышал от Врангеля. Кажется, он был прав. Позже, когда Великий Князь жил в Крыму, Деникин просил его возглавить Добрармию. Письмо дошло... Его отвезла "Принцесса", очень пригодная для такой миссии молодая дама, принадлежавшая к Азбуке, но... Великий Князь прочел... и отказался возглавить Добрармию... Не помню, сделал ли он это в письменной форме, но несомненно сделал.

Послал к чорту Принцессу и остался в Крыму со своими черногорками.

* * *

Он, Врангель, говорил о Романовых:

— Я их всех хорошо знаю. Они не могут править, потому что не хотят... Они потеряли вкус к власти...

Что поделаешь?

В значительной степени выродилась и аристократия... Не только Романовы...

* * *

Были ли у Врангеля реальные шансы?

Если бы он победоносно вошел в Москву, несомненно, были бы...

Вспомните, какие ничтожества становились у власти...

*"И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин..."*

Меньшиков... И Екатерина I... совсем уже...

Но надо было иметь успех...

Был бы Петр IV...

Конечно, неизвестно, удержался ли бы Врангель...

Некоторое время, безусловно... Но потом началось бы: "Крымский барон"...

Но судя по тому, как он расправлялся с казаками-грабителями...

Барон П.Н.Врангель у портрета Великого Князя Николая Николаевича. Вторая половина 1920-ых гг.

Август 1973 года

Публикация Н.Н.Лисового

ОТ РЕДАКЦИИ

Завершая публикацию воспоминаний Василия Витальевича Шульгина о двух Главнокомандующих Вооруженными Силами на Юге России, редакция "Военной Были" считает нужным сопроводить их несколькими краткими замечаниями.

Прежде всего, воспоминания, так же, как и все оригинальные документы и мемуары, публикуемые в нашем журнале, не подвергались ни малейшей правке, так как мы считаем своей обязанностью донести до читателей живые свидетельства эпохи в их первоизданном виде (в данном случае — это прямая диктовка, при которой публикатор записывал каждое слово В.В.Шульгина буквально так, как оно было сказано). Разумеется, Василий Витальевич всей своей жизнью заслужил право иметь те взгляды и высказывать те суждения, какие он считал нужным. И, даже в чем-либо не соглашаясь с ними, к ним нужно прислушиваться.

В то же время нельзя не заметить, что поводов для разногласий воспоминания В.В.Шульгина (начиная с ранних, общезвестных — "Дни", "1920", — и до позднейших, 1973 года, с которыми уже два года знакомит читателей "Военная Быль") дают действительно немало. Это относится как

к самооценке их автора (весьма, на наш взгляд, преувеличенной), так и к оценке им персонажей своего повествования. "Отрывочные воспоминания", "световые пятна" В.В.Шульгина, представляющие собою почти самостоятельный литературный жанр, парадоксальным образом сочетают элементы "игры в воспоминания" ("искусственная забывчивость", то добродушное, то схищное подсмеивание и над самим собой, и над своими героями, и над читателем, и пр.) с искренним стремлением престарелого автора подробно и детально восстановить (более полувека спустя!) картину событий, вплоть до самых незначительных, частных, семейных подробностей (при этом ему порой изменяет чувство меры и такта).

Впрочем, не будем углубляться в обсуждение мемуаров В.В.Шульгина. И литературная, и общественная, и политическая позиции Василия Витальевича (представляющиеся нам неоднозначными и подчас противоречивыми), еще ждут, наверное, справедливой и нелицеприятной оценки, и хотя бы уже поэтому мы не могли лишиться историков возможности ознакомиться с его воспоминаниями.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 6 (135)

1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ

7 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА	1
<i>Б. А. Лагодовский</i> ПОСЛЕДНИЙ “ИМПЕРАТОРСКИЙ” ПРИЗ. 12 Июля с[тарого] с[тиля] 1914 года	2
КАВАЛЕРИЯ. <i>Рисунки С. В. Вакара</i>	6
<i>В. М. Ткачев</i> ИТОГИ РАБОТЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. (Глава из книги “Крылья России”)	10
<i>К. Стрельбицкий</i> КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА	13
“ТРАДИЦИОННЫЕ ЧАСТИ” НА ЮГЕ РОССИИ: ХАОС ИЛИ СИСТЕМА ?	15
“ЯКУТЦЫ НЕ ПРИВЫКЛИ К ПОРАЖЕНИЯМ ...” (К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну)	20
<i>В. Цветков</i> “ЛЕГИОН СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ТИХОНА” — ГВАРДИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ: ИЗ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫХ ПРОЕКТОВ	23
<i>В. Дуров</i> ПАМЯТНИК ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ	25
<i>В. Ю. Липеровский</i> АВГУСТ 1920, БРОНЕВСПОМОГАТЕЛЬ “ЖЕЛ-БАТ. 2”	27
МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ. ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ А. П. АРХАНГЕЛЬСКИЙ	34
ДОКУМЕНТ ИЗ “РОССЫПИ” РОТА КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА	36
<i>В. В. Шульгин</i> ДЕНИКИН И ВРАНГЕЛЬ. <i>Публикация Н. Лисового. Окончание</i>	38

Главный редактор **А. КРУЧИНИН**

Соучредители **А. ВАСИЛЬЕВ, А. ЕЗЕЕВ, А. КРУЧИНИН**

Художники **А. ПЕТРОВ, Ж. ЦВЕТКОВ, И. ШИРЯКОВ**

© “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, 1995

Адрес редакции: 109457, Москва, ул. Ф. Полетаева, д. 8, корп. 2, кв. 46

Перепечатка только с разрешения редакции.

При перепечатке ссылка на “Военную Быль” обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Свидетельство о регистрации № А-0154 от 10 декабря 1992 г.

Типография ГПИБ. Заказ 86. Тираж 250 экз.